

**МЕЖПАРЛАМЕНТСКАЯ АССАМБЛЕЯ
ГОСУДАРСТВ — УЧАСТНИКОВ СОДРУЖЕСТВА
НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ**

ЦЕНТР ИСТОРИИ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

Таврические чтения 2016

**Актуальные проблемы парламентаризма:
история и современность**

Международная научная конференция

Часть третья

Санкт-Петербург
2017

УДК 328; 94(4)
ББК 67.400.6
Т 13

Научное издание

Печатается по решению оргкомитета
международной научной конференции

Под редакцией доктора исторических наук,
профессора РГПУ им. А.И. Герцена,
члена научно-методического совета
Центра истории парламентаризма
А.Б. Николаева

Рецензенты: доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета путей сообщения (МИИТ) С.Е. Руднева; доктор исторических наук, заместитель заведующего отделом обеспечения выставочной деятельности Государственного Эрмитажа А.В. Соколов.

Т 13

Таврические чтения 2016. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 8—9 декабря 2016 г. Сборник научных статей / Под ред. А.Б. Николаева. СПб.: Издательство «Элексис», 2017. Ч. III. 97 с.

ББК 67.400.6
ISBN 978-5-9909911-5-6

© Центр истории парламентаризма
Межпарламентской Ассамблеи
государств — участников СНГ, 2017.

ISBN 978-5-9909911-5-6

СОДЕРЖАНИЕ

Великобритания

ПАЛАМАРЧУК А.А. Парламент и консилиарные институты в раннестюартовской Англии	4
ЛАБУТИНА Т.Л. Дебаты политических партий в парламенте Англии о конституционном законодательстве (1660—1681 гг.).....	12
КАРКОЗАШВИЛИ Н.Ш. «Американский опыт» и развитие парламентской системы Великобритании в XIX веке	20
ЖОЛУДОВ М.В. Либералы в парламентской жизни Великобритании XIX века	28
ГЕЛЛА Т.Н. Из истории британского парламента конца XIX в.: традиции и новации избирательной кампании 1880 г.	36
СТЕПАНОВА В.В. Консервативная партия и формирование трудового законодательства Великобритании в конце XIX — начале XX вв.	45
БУГАШЕВ С.И. Быть или не быть? Реформирование Палаты лордов в XX — начале XXI вв.	51
ПОРТНЯГИН Д.И. Дискуссии в британском парламенте во второй половине 1945 г. о состоянии и перспективах англо-американских отношений	57
НАБИЕВА Р.А.К. Сирийский вопрос в британском парламенте	64
АНАНЬЕВА Е.В. Соотношение прямой и представительной демократии в современной Великобритании.....	71
ЕРЕМИНА Н.В. Шотландский парламент как протест против Вестминстерской системы	80
Сведения об авторах	88
Список сокращений и аббревиатур	94

Великобритания

ПАЛАМАРЧУК А.А.

**Парламент и консилиарные институты в раннестюартовской
Англии**

ПАЛАМАРЧУК АНАСТАСИЯ АНДРЕЕВНА,

доктор исторических наук,
старший преподаватель кафедры истории Средних веков
Института истории
Санкт-Петербургского государственного университета
(Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: a.palamarchuk@spbu.ru

Аннотация: В статье освещается роль и восприятие современниками английского парламента при первых Стюартах в контексте активного строительства коронной системы консилиарных институтов (Палаты прошений, Совета севера, Совета марки Уэльса). Интеграция этнополитических автономий при Тюдорах и Уния шотландской и английской корон в 1603 г. требовали конструирования альтернативных лондонскому парламенту институтов, обеспечивавших взаимодействие верховной власти с не-английскими этнокультурными группами и региональными корпорациями. При этом английский парламента все более последовательно воспринимался как институт, обеспечивающий интересы исключительно английской части подданных монарха и укорененный в «национальном» прошлом англичан. Разрабатывавшаяся юристами общего права мифология английского парламента как воплощения «национального» духа была предсказуемой реакцией на конструирование Яковом I «британской» идентичности, предполагавшей возвращение к средневековому идеалу короля-сеньора, правящего в совете.

Ключевые слова: Англия, Тюдоры, Стюарты, парламента, Совет Севера, Совет марки Уэльса, прерогатива, консилиаризм.

Парламент и консилиарные институты в раннестюартовской Англии¹

В последние десятилетия социально-политическая роль парламента в тюдоро-стюартовский период подвергается существенному пересмотру. Тщательный анализ концепций современников и парламентской риторики² позволил сделать выводы о значительном консерватизме подходов на рубеже XVI—XVII столетий: истоки авторитета и легитимности парламента усматриваются в традиционной средневековой концепции правления «короля-в-совете», а интенсивность парламентских дискуссий определяется ролью представительства как форума для поиска компромисса и согласия между монархом и знатью. Не вызывающим сомнений, однако, остается тот факт, что парламент был и по сей день неизменно остается важным элементом английской национальной идентичности. На переломе XVI и XVII веков, когда английские интеллектуалы предпринимают первые попытки создания «национальной» истории³, парламенту отводится одно из первых значимых мест среди институтов, обеспечивавших континуитет английской истории и определявший ее специфический облик и исключительный статус среди прочих европейских монархий.

Характерным приемом, который использовали тудоровские и раннестюартовские антиквари и юристы в своих рассуждениях о парламенте, было «удревление» его истории: они усматривали бесспорную институциональную преемственность между англо-саксонским уитенагемотом, Большим королевским советом постнормандской эпохи и современным парламентом⁴. Институт парламента, генетически связанный с эволюцией верховной власти, в историческом и юридическом дискурсе яковитской эпохи не противопоставлялся институту монархии; напротив, в уникальном способе гармоничного сосуществования

---

¹ Статья написана при поддержке гранта РГНФ № 16-01-00108.

² Дмитриева О.В. Парламент и политическая культура в Англии второй половины XVI—начала XVII в.: Дис. ... д. ист. н. М., 2011.

³ Паламарчук А.А., Федоров С.Е. Антикварный дискурс в раннестюартовской Англии. СПб., 2013; Паламарчук А.А., Федоров С.Е. Прошлое крупным планом: темпоральное измерение в антикварном дискурсе // Образы времени и исторические представления. Россия, Восток, Запад / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2008. С. 226—244.

⁴ *Spelman H.* The Original, Growth, Propagation and Condition of Feuds and Tenures // The English Works of Sir Henry Spelman. London, 1723; *Coke E.* The Fourth Part of the Institutes of the Laws of England. London, 1644. P. 4—9; *Cowell J.* The Interpreter, or Booke, containing the Signification of Words... Cambridge, 1607, «Parliament».

монархии и парламента современники усматривали один из наиболее ярких признаков превосходства английской монархии над остальными. Английский парламент воспринимался в качестве одного из зримых воплощений автономии и уникальности «английской конституции», изначально свободной от каких-либо иноземных влияний или заимствований. Словом, монарх-в-парламенте с точки зрения современников воплощал собой подлинный английский дух и благосостояние английской нации.

Однако уже в правление Тюдоров, когда в состав английского королевства инкорпорируется княжество Уэльс, но, особенно после унии корон Англии и Шотландии 1603 г., все большую остроту набирала проблема сосуществования в рамках композитарной монархии автономий, различных как в своем политико-правовом статусе, так и в этнокультурном аспекте. При очевидной перспективе сохранения автономии композитов на вопросы о способах, средствах и результатах этой интеграции в раннестюартовском обществе не существовало однозначных ответов. Как следствие, в первой четверти XVII в. дискуссии об «англоцентричном» или «общebritанском» будущем острова велись на самых различных уровнях — от парламентской полемики до публицистики и драмы¹. Интеллектуальный центр сторонников «англоцентричной» модели был представлен юристами общего права, имевших весьма большое влияние в нижней палате парламента. С их точки зрения основой «англоцентричной» модели, предполагавшей значительное ограничение правовой и административной самостоятельности автономий (Уэльса, Шотландии, регальных владений и франшиз в англо-шотландском Пограничье) должно было стать внедрение общего права и расширение на этих территориях юрисдикции английского парламента. Именно английский парламента, с точки зрения протагонистов общего права, должен был выступать в роли высшей судебной инстанции для региональных корпораций.

---

¹ *Elliott J.* A Europe of Composite Monarchies // Past and Present. 1992. № 137. P. 48—71; *Benton L., Ross R.J.* Empires and Legal Pluralism: Jurisdiction, Sovereignty and Political Imagination in the Early Modern World // Legal Pluralism and the Empires, 1500—1850 / Ed. By R.J. Ross. New York, 2013. P. 1—20; *Федоров С.Е.* «Restored to the Whole Empire & Name of Great Briteigne»: композитарная монархия и ее границы при первых Стюартах // Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / Под ред. Н.А. Хачатурян. М., 2011; *Паламарчук А.А.* Идентичность национальная, идентичность корпоративная: английские юридические корпорации и полемика о композитарной монархии в раннестюартовской Англии // Этносы и нации в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / Под ред. Н.А. Хачатурян. СПб., 2015. С. 179—199.

Активно развивающийся «англоцентричный» национально-ориентированный дискурс, впрочем, не был единственным в рассматриваемый период. Стремление Тюдоров и Стюартов эффективно контролировать и интегрировать этнокультурные автономии сопровождалось расцветом консилиарных институтов, так же как и парламент, сформировавшихся на основе средневековой концепции совета, но представлявших региональные корпорации. Наиболее влиятельными и крупными консилиарными институтами в Англии раннего Нового времени являлись Совет Севера и Совет Марки Уэльса. Они характеризовались более тесным, непосредственным и активным взаимодействием с монархом, который определял состав совета и определял его юрисдикцию. Подобного рода взаимодействие и общее усиление консилиарной прерогативной юстиции нередко трактовалось в историографии как свидетельство не слишком удачного поиска *новаторских* средств управления, которые давали монархии возможность действовать в обход юрисдикции парламента и, в итоге, принявших облик «деспотического правления» — пролога гражданской войны середины XVII столетия.

Однако, возможно, ситуацию следует оценивать с точностью до наоборот. Расцвет консилиарной юстиции, представлявшей собой административно-судебный механизм, альтернативный парламентскому регулированию, можно трактовать как реализовавшееся намерение короны продемонстрировать приверженность глубоко укорененной в средневековом сознании идее патерналистской модели монаршей власти. Монарх — защитник «меньших», хранитель ортодоксальной веры, защитник порядка на пограничных территориях — именно таким должен был представлять государь благодаря решениям судов, о которых пойдет речь далее. Активизацию консилиарных и прерогативных судов, вероятно, следует оценивать не столько как административную новацию, сколько, напротив, как стремление Тюдоров и впоследствии двух первых Стюартов реализовать собственные представления о традиционном, с их точки зрения, способе действия истинного английского монарха — вершителя правосудия и творца правового порядка в целом, подобного таким культовым фигурам, как Эдуард Исповедник или «английский Юстиниан» Эдуард I Плантагенет¹. Одной из важных составляющих «патриархального» образа монарха² была, безусловно, его не-

---

¹ Паламарчук А.А., Федоров С.Е. Рубежи антикварного сознания: история и современность в раннестюартовской Англии // Цепь времен. Проблемы исторического сознания / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2005. С. 151—197.

² Zouch R. Richardi Zouchi Elementa Jurisprudentiae definitionibus. Lugdunia Batavorum, 1636. P. 51—54; James I of England. Basilikon Doron // The Political Works of James I / Ed. by Ch. McIlwain. Vol. 1. Cambridge, L., 1918. P. 18, 24, 32, 33, 37; The Trew law of Free Monarchies // The Political Works of James I

посредственная близость и доступность для подданных, в то время как под влиянием кризиса власти во второй половине XV в. определенные идеи теоретиков общего права постепенно развивались в направлении возможной самодостаточности и саморегулируемости локальной общины (их апогеем уже в середине XVII в. стала идея верховенства парламента). Одновременно возвращение *ad fontes*, то есть к идеям сеньориальной монархии, предполагало и более активное и непосредственное взаимодействие с подданными. Разного рода источники — прежде всего историко-антикварные и историко-правовые сочинения — реанимировали в обществе представления об английской земле как королевском домене, обретенном предшественниками правящего дома в результате завоевания. Следовательно, по отношению к такого рода монарху его подданные могли выступать либо в качестве вассалов, либо в качестве слуг королевского дома. Консилиарные суды, в состав которых входили представители титулованной и нетитулованной знати, а также духовенства, воплощали идею правления сеньора-в-совете: суда первого среди равных.

Параллельное и активное развитие национально-ориентированного «англоцентричного» дискурса и дискурса «общebritанского», ориентированного на сохранение автономии этнокультурных регионов выражалось на рубеже XVI—XVII вв. в серии конфликтов, в которых под вопрос были поставлены пределы юрисдикций, с одной стороны, парламента и стоявших за ним вестминстерских судов общего права, и консилиарными институтами — с другой. История так называемого «дела Фарли» демонстрирует, как частный судебный конфликт в достаточно сжатые сроки политизировался и принял форму парламентской полемики о структурах управления и масштабных проблемах функционирования раннестюартовской композитарной монархии.

В 1604 г. в Совете марки Уэльса слушалось дело некоего Джона Фарли, арендовавшего землю у копигольдера¹. После смерти арендодателя его вдова объявила договор аренды недействительным и получила в Совете марки предписание о том, что Фарли следовало передать ей все права на землю, до тех пор пока спор не будет повторно рассмотрен в манориальном суде. Фарли отказался повиноваться приговору и был заключен Советом под стражу. Однако ему удалось обратиться в вестминстерский суд Королевской скамьи и получить предписание о запрещении *habeas corpus cum causa*. В свою очередь, судьи совета игно-

---

/ Ed. by Ch. McIlwain. Vol. 1. Cambridge, L., 1918. P. 61, 70; Speech of 1609—1610 // The Political Works of James I / Ed. by Ch. McIlwain. Cambridge; L., 1918. Vol. 1. P. 309.

¹ Паламарчук А.А. Цивильное право в раннестюартовской Англии: институты и идеи. СПб., 2015. С. 150—159.

рировали предписание о запрещении, изданное Королевской скамьей, а лорд-президент Зуч обратился в Тайный совет, утверждая, что в данном случае необходимо решить не «вопрос права, а вопрос управления». Тайный совет начал собственное разбирательство. Интересы Совета марки Уэльса отстаивали Джон Кроук и Френсис Бэкон, от имени Королевской скамьи выступал Эдвард Кок. И Бэкон, и Кок оставили подробное описание как самого дела Фарли, так и аргументов, выдвинутых сторонами⁹.

Аргументы Бэкона следовало рассматривать как в контексте неутраченной в первые годы яковитского правления парламентской дискуссии об унии, так и с учетом споров о сути и пределах королевской прерогативы. Бэкон делал акцент на том, что Совет Уэльса был сформирован монархом и является неотъемлемой частью английской конституции, поскольку истоки его существования обнаруживаются задолго до Акта об унии. Затем Бэкон отмечал, что Совет марки Уэльса представляет собой неотъемлемую часть Тайного совета, и наступление на его юрисдикцию умаляет прерогативные права монарха. Кроме того, по мнению Бэкона, существующий способ управления территориями Уэльса был наиболее адекватным средством упрочения и сохранения унии, поскольку сохранял необходимую степень правовой автономии тех территорий, которые подлежали его юрисдикции.

Защитник пропарламентской точки зрения сэра Эдвард Кок избрал, на первый взгляд не самый радикальный метод: не отрицая полностью юрисдикцию Совета и его право на существование, он в обширном историческом экскурсе продемонстрировал территориальные пределы юрисдикции Совета марки Уэльса. По мнению Кока, четыре графства — Герекфордшир, Шропшир, Вустершир и Глостершир — являлись не частью Уэльса, и даже не особой историко-административной областью, а были исконной частью «земли Англии», в пределах которой главенствующая роль должна была принадлежать Парламенту и судам общего права. Наследственные права монарха, закрепленные в Раддланском статуте, по мнению Кока, ограничивались лишь территорией *pura Wallia*.

До 1605 г. конфликт развивался преимущественно как конфликт мнений и корпоративных интересов юристов. С самого начала было ясно, что финансовый момент играет не последнюю роль в атаке Королевской скамьи на Совет: если бы судьи Совета уступили давлению, весь поток средств, получаемых в качестве вознаграждений за решение

---

⁹ *Bacon F.* A View of the Differences in Question betweext the King's Bench and the Council in the Marches // *The Letters and Life of Francis Bacon* / Ed. by J. Spedding. L.: L, 1868. Vol. 3. P. 368—382; *Coke E.* The Fourth Part of the Institutes of the Laws of England. L., 1644. P. 242—246.

наиболее важных тяжб, минуя Уэльс, хлынул бы в вестминстерские суды. Однако в 1606 г. спор перешел в политическую плоскость. В парламент был подан билль, целью которого было ограничить пределы юрисдикции Совета тринадцатью валлийскими графствами, изъяв четыре «английских». Идея, высказанная Коком, могла воплотиться в жизнь¹. Инициировали подачу билля два коммонера: один, Уильям Крофт, таким образом пытался утвердить позиции собственного семейства в родном Герефорде, второй, Джон Хоскинс, стал своего рода героем-провокатором группировки вестминстерских судей, проявив себя весьма скандальным образом в первом же парламенте короля Якова в дебатах по вопросам унии с Шотландией². Обсуждение билля вызвало определенную оппозицию в нижней палате, причем со стороны депутатов от Уэльса. После одобрения коммонерами билль был передан в верхнюю палату, и лорды отвергли документ.

На события, разворачивавшиеся в парламенте, Тайный совет агрегировал новой серией инструкций в адрес Совета марки Уэльса. К крайнему неудовольствию и огорчению лорда-президента Зуча, инструкции предполагали значительное сокращение прежней юрисдикции. Так, на территории Уэльса судьям Совета было запрещено использовать пытки, а также рассматривать дела об аморальном поведении. В пределах четырех «английских» графств юрисдикция также сократилась: запрещалось рассматривать в Совете иски о долгах и причинении ущерба имуществу на суммы, превышающие 10 фунтов. На первый взгляд в политико-правовом отношении данное ограничение могло показаться несущественным и не предполагало серьезного вмешательства в королевскую прерогативу. Однако на деле этот шаг угрожал нормальному функционированию Совета как административно-судебного органа. Инструкции Тайного совета сократили круг именно тех исков, которые приносили наиболее ощутимый доход и позволяли выплачивать жалование судьям и клеркам: это были имущественные и долговые тяжбы в процветающих «английских» графствах и дела об аморальном поведении в графствах «валлийских»³.

Позиция Якова I, как и во многих других ситуациях, была осторожно-выжидательной. С его точки зрения, судьи Вестминстера во главе с

---

¹ *Williams P.* The Attack on the Council in the Marches, 1603—1642 // *Transactions of the Honorable Society of Cymmrodion.* 1961. № 1. P. 1—22; *Ham R. E.* The Four Shires Controversy // *Welsh History Review.* 1977. № 8. P. 381—400.

² *Williams P.* The Welsh Borderland under Queen Elizabeth // *Welsh History Review.* 1960. № 1. P. 24—25.

³ *Skeel C.A.S.* The Council in the Marches of Wales: a study in local government during the Sixteenth and Seventeenth centuries. L., 1904. P. 145.

Коком и Крофтом, преследовали «фракционные» интересы, что пагубным образом могло отразиться на его, монарха, отношениях с валлийскими подданными. В 1608 г. король созвал совещание судей, на котором призвал к поиску компромисса. В ответ на слова монарха сэра Эдвард Кок, на тот момент глава суда Королевской скамьи, разразился слезами, которые, впрочем, Якова не тронули. Вскоре монарх издал прокламацию, подтверждавшую право короля определять юрисдикцию Совета, а Тайный совет составил очередные инструкции для нового лорда-президента Ора. Юрисдикция Совета восстанавливалась практически в полном объеме, за исключением права прибегать к пыткам. *Status quo* было суждено продлиться до 1610 г., когда коммонеры упомянули юрисдикцию Совета в числе «тягот королевства»¹. Яков, однако, сумел отложить рассмотрение вопроса на неопределенное время. В 1614 г. вопрос так и не был решен²; видя, что тактика парламентского давления не приносит результатов, Крофт решил воспользоваться посредничеством фаворита короля, Роберта Карра, графа Сомерсета, и передал Якову обширный меморандум, в котором доказывал, что Англия ничего не потеряет с упразднением Совета марки Уэльса³. Яков оставил на документе уничижительные пометы в адрес составителя и вновь не допустил разворачивания инициативы Крофта. В результате, промедление монарха оказалось лучшей тактикой: в 1616 г. Кок перестал быть главным судьей королевства, Крофт перешел в католицизм и покинул Англию, а парламент был распущен.

---

¹ Parliamentary Debates in 1610 / Ed. By S. R. Gardiner. L., 1862. P. 133.

² Proceedings in Parliament, 1614 (House of Commons) / Ed. by M. Jansson. Philadelphia, 1988. P. 50.

³ James I, 78, N 74 // Calendar of State Papers. Domestic series of the Reign of James I. 1611—1618 / Ed. by M.A.E. Green. L., 1858. P. 229

ЛАБУТИНА Т.Л.

Дебаты политических партий в парламенте Англии о конституционном законодательстве (1660—1681 гг.)

ЛАБУТИНА ТАТЬЯНА ЛЕОНИДОВНА

доктор исторических наук,
профессор, ведущий научный сотрудник
Института всеобщей истории Российской академии наук;
(Москва, Россия);
e-mail: tlabutina2007@yandex.ru

Аннотация: В статье анализируются дискуссии в палате общин парламента Англии по вопросам конституционного устройства в период правления Карла II Стюарта (1660—1685 гг.). В обсуждении биллей активное участие принимали парламентарии, представители двух политических партий — правительственной (тори) и оппозиционной (виги). Сами законопроекты становились предметом борьбы партий, в которой тори отстаивали интересы земельной и финансовой аристократии, виги защищали законопроекты, отвечавшие нуждам и чаяниям торгово-промышленной буржуазии и нового дворянства. Деятельность парламента, в котором активную роль начали играть политические партии, явилась своеобразной прелюдией к длительному процессу демократизации представительного учреждения, которую предстояло пережить Великобритании в XVIII—XIX веках.

Ключевые слова: Англия, XVII век, парламент, Палата общин, политические партии, тори, виги, законопроекты, конституционное устройство.

**Дебаты политических партий в парламенте Англии
о конституционном законодательстве
(1660—1681 гг.)**

Процесс образования партий в правление Карла II Стюарта явился неизбежным следствием того усиления власти и престижа парламента, которого он достиг в период Английской революции середины XVII в. Формирование политической оппозиции началось с первых лет правления Карла II. Политика правительства создавала и объединяла недовольных в среде имущих слоев. Уже задолго до возникновения партий в их рядах начинают обозначаться политические симпатии и антипатии. Об этом можно судить по тому, как происходило обсуждение в палате общин ряда законопроектов. Первоначально для обозначения политических группировок, образовавшихся в 1660-х — начале 1670-х гг., использовались термины «Двор» и «Отечество» для того, чтобы показать

степень «приближенности» или «отдаленности» к правительству. К концу 70-х годов эти названия стали обозначать эмбрионы политических партий: «правительственной» и «оппозиционной», а с 1679 г. за партиями закрепляются более лаконичные имена: «тори» и «виги»¹.

Заметим, что вся политика правительства Реставрации осуществлялась в ходе ожесточенной политической борьбы. Разногласия между королем и парламентом, между палатами лордов и общин, между вигами и тори, в которых опосредованно проявлялись основные классовые противоречия, присущие английскому обществу того периода, — все это нашло свое отражение в обсуждении законопроектов, и в том, какого рода законы принимались в это время. Освещение основных направлений законодательной деятельности парламента и выяснение сущности главных из принятых им актов позволит определить то влияние, которое борьба политических партий оказывала на законодательство. В своей статье мы попытаемся на конкретных примерах выявить сущность происходившей в парламенте борьбы политических партий, выяснить, какими мотивами руководствовались депутаты, принимавшие участие в парламентских дебатах, интересы каких социальных слоев они защищали.

Законопроекты, обсуждаемые в парламентах Карла II, можно разделить на три блока: экономический, политический, религиозный². Обратимся к анализу законотворчества парламентариев по вопросам конституционного устройства. Острая политическая борьба сопровождала обсуждение и принятие таких законов, как «Акт об амнистии», «О недопустимости мятежных действий против Его Величества и правительства», «Об охране личности короля и правительства». Все эти законы были направлены на защиту королевской прерогативы.

Одним из первых в парламенте обсуждался билль об амнистии. По воспоминаниям современника событий — известного мемуариста С. Пипса, задолго до появления этого законопроекта о нем «много говорили и возлагали на него столько надежд»³. Дебаты в Палате общин по биллю начались 9 мая 1660 г. и продолжались на протяжении двух

---

¹ «Тори» — кличка ирландских католиков-роялистов. Это название было дано партии ее политическими противниками. «Виги» — название шотландских бунтовщиков-пуритан, сторонников Ковенанта.

² См. подробн.: Лабутина Т.Л. Политическая борьба в Англии в период реставрации Стюартов. 1660—1681. М., 1982. С. 150—192; *её же*. Внутрипарламентская борьба политических партий в правление Карла II Стюарта (1660—1681 гг.) // Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое и новейшее время. Межвузовский сборник научных трудов. Арзамас, 2016. Вып. 11. С. 82—90.

³ The Diary of Samuel Pepys. L.; New York, 1953. Vol. I. P. 93.

месяцев. Парламенту предстояло определить число лиц, не подлежащих амнистии, хотя сам король, по утверждению первого министра графа Кларендона, «желал даровать прощение всем»¹. По этому вопросу в Палате общин разгорелся жаркий спор. Участники дебатов ударялись в крайности: одни требовали простить всех, принимавших участие в революции, другие — наказать тех, кто выступал против короля, третьи — положиться на благосклонность и милость двора в этом вопросе. Но все были согласны, что нужны жертвы, и спор шел только о численности, а затем — о выборе лиц. Составили, наконец, билль, который направили в Палату лордов, и там гроза разразилась с новой силой: эта Палата состояла из людей, которые в той или иной степени пострадали от революции; вдовы, дети и другие родственники погибших открыто требовали мщения. Поначалу список лиц, не подлежавших амнистии, был столь обширным, что это «вызвало недовольство и волнение» в рядах депутатов. Один из них, коммонер Э. Деринг сообщал в своем дневнике, как происходило заседание палаты: «Мой брат Финч выступил с речью, призывая к умеренности при выборе лиц, исключенных из амнистии... После долгих дебатов согласились, что 7 человек следует исключить из амнистии и лишить жизни»². Однако, это предложение не всех устроило, и страсти разгорелись с новой силой. Один из молодых депутатов предложил лишить амнистии всех бывших солдат армии О. Кромвеля. Наконец, договорились о 73 «жертвах» амнистии. Среди них не только участники судебного процесса над королем Карлом I, но и многие активные республиканцы подверглись жестокому преследованиям. 29 человек, не успевших бежать за границу, были казнены. Парламент не пощадил даже прах предводителей революции: останки Кромвеля, Айртона, Брэдшоу, Прайда были извлечены из гробниц Вестминстерского аббатства, повешены, а затем погребены под виселицей. Так, с «кровавой расправы» над политическими противниками началось правление Карла II. Обещанная перед реставрацией в Бреде амнистия оказалась королем невыполненной.

Острые дискуссии в парламенте разгорались всякий раз, когда рассматривались законопроекты, затрагивавшие королевскую прерогативу. Одним из них стал так называемый Трехгодичный акт. По этому закону, изданному в 1641 г., в случае, если монарх не созывал парламент в течение трех лет, это мог сделать за него лорд-канцлер. Карла II не устраивал данный закон. В 1662 г. им было внесено предложение об отмене акта, однако оппозиция воспротивилась его рассмотрению.

---

¹ Clarendon State Papers, Collected by Edward, Earl of Clarendon. Oxford, 1786. Vol. III. P. 1031.

² The Diaries and Papers of Sir Edward Dering Second Baronet. 1644—1684. L., 1976. P. 43.

Спустя год ситуация повторилась. 21 марта 1664 г. король выступил с речью в парламенте, заявив, что, по его мнению, данный закон подстрекает к мятежу, и что он никогда не позволит парламенту собираться на таких условиях, а потому требует немедленно удалить закон из книги статутов.

Партия тори откликнулась на требование короля, и предложение об отмене Трехгодичного закона было вынесено на обсуждение в Палате общин. Сторонники партии Двора единодушно поддержали требование монарха. Они утверждали, что данный закон «упраздняет основные законы королевства» и «оказывает давление на короля». Оппозиция всеми силами пыталась отстоять закон. Мистер Милуэрд утверждал, что только Трехгодичный акт позволит «гарантировать созыв будущих парламентов». Ему вторил известный член оппозиции Томас Литлтон, заявивший, что «не знает более мудрого способа принуждения короля законом», чем статут, отмены которого добивается партия тори¹. Несмотря на активную позицию, занятую в дебатах вигами, большинством голосов (133 против 88) правительственная партия одержала победу. И знаменитый Трехгодичный акт, заставлявший короля созывать парламент не реже, чем каждые три года, к удовольствию монарха был аннулирован. Воспользовавшись одержанной тори победой, Карл II после 1681 г. вообще перестал созывать парламент, поскольку у него были на то «законные» основания.

Дебаты в Палате общин по поводу различных прерогатив короля (внешняя политика, заключение брака и др.) как нельзя лучше свидетельствовали об усилении роли парламента в государстве в период Реставрации. Приоритет законодательной власти над исполнительной был налицо. Прерогативы монарха больше не являлись для парламентариев, особенно для вигов, чем-то неприкосновенным и священным. Наступление на прерогативы короля сделалось привычным делом в Палате общин. Оппозиционеры настойчиво советовали королю прислушиваться к мнению Палаты общин, в чьих руках находится законодательная власть².

Весьма ощутимым стало вмешательство парламентской оппозиции во внешнюю политику, проводимую королем. Разногласия между законодательной и исполнительной властью по этому вопросу оказывали влияние на выбор правительством политики к другим странам. В правление Карла II нередки были случаи, когда парламент отказывал в субсидиях королю, если тот самостоятельно принимал решения в вопросах внешней политики.

---

¹ The Parliamentary History of England from the Earliest Period to 1803/ Ed. by W.Cobbett. Vol. IV. L., 1807. P. 411—412.

² Ibid. P. 119—120.

На протяжении многих лет Карл II стремился заключить договор с Францией, от которой получал значительные денежные субсидии. Парламент, опасаясь усиления католицизма в Англии в результате подобного союза, всеми средствами тому противился. Виг Томас Клардж ссылаясь на примеры из истории, свидетельствовавшие о том, что монархи всегда просили совета у парламента в вопросах войны и мира, и требовал от короля отказаться от союза с католической державой. Его поддержал полковник Берч, заявивший, что «король, в конце концов, согласится с тем, что ему советует парламент», поскольку в противном случае он будет лишен дополнительных денежных средств¹.

Выступая в Палате общин 28 мая 1677 г., Карл II пытался отстоять свое «неоспоримое право» заключать любые союзы, которые сочтет необходимым. Он упрекал палату общин в том, что она «опасно нарушает королевскую прерогативу войны и мира». Однако парламент не соглашался с королем и продолжал настойчиво оспаривать свое право контроля внешней политики.

Жаркие дебаты в Палате общин разгорались всякий раз, когда на обсуждение выносились билли, затрагивавшие привилегии парламента. В марте 1676 г. коммонерам было предложено рассмотреть законопроект об отмене жалованья членам палаты общин. Предложенный билль вызвал горячие споры в парламенте, продолжавшиеся два дня. Противник билля Джон Беркенхид считал «неуместным» обсуждение подобного вопроса, поскольку парламент не получал ни одной петиции, содержащей жалобы на тяжесть выплаты жалованья депутатам. По его мнению, лишение жалованья можно считать мерой наказания только для тех, «кто плохо посещает заседания парламента»². Депутат-виг Уильям Томпсон и тори Кроуч заявили, что их жалованье выплачивалось бургами весьма нерегулярно. Депутат Уильямс предложил оплачивать только те дни, когда заседает парламент. Тори У.Финч, выступая против билля, ссылаясь на статут Генриха VIII, в соответствии с которым жалованье не выплачивалось лишь депутатам, покинувшим палату без разрешения. «Если же вы примите этот закон, — продолжал оратор, — то лишите депутатов возможности быть обязанными перед своими выборщиками». Виг Уоллер утверждал: «Одни депутаты так бедны, а другие в городах так богаты, что было бы бесчестным заставлять парламентариев отказываться от жалованья»³.

Сторонники билля, преимущественно виги, указывая на многочисленные расходы со стороны городского населения, взывали к чести и совести депутатов и требовали отказаться от жалованья, чтобы облег-

---

¹ Ibid. P. 621.

² Ibid. P. 844.

³ Ibid.

чить финансовое положение избирателей. Депутат-оппозиционер Пауль утверждал: «Выплата жалованья депутатам разорительна для многих выборщиков». Сэр Темпл и Филипп Уорик предлагали всем «не по закону, а по доброй воле» отказаться от жалованья. Виг Боскауэн напоминал депутатам, что все они обещали служить «свободно», т.е. бесплатно. «Отступить от данного обещания — значит поступать бесчестно. Если мы будем добиваться выплаты жалованья, — продолжал оратор, — то у горожан возникнут опасения и впоследствии они захотят выбирать своих собственных бюргеров и ремесленников и не пожелают избирать джентльменов»¹.

Поскольку виги чаще всего представляли города, то становится понятной та активность, которую они проявляли, отстаивая данный билль. Опасения дворян лишиться парламентского представительства от городов, а значит и властных полномочий на местах, явились самым убедительным аргументом, заставившим многих из них добровольно отказаться от жалованья и в 1677 г. принять закон об отмене его выплаты депутатам парламента.

Забываясь о сохранении собственных привилегий, депутаты палаты общин стремились также поддержать авторитет парламента. И когда в адрес парламента поступило обвинение в том, что некоторые его члены подкуплены королем Франции, то обе партии — и виги, и тори — дружно выступили против тех, кто своим недостойным поведением позорил почетное звание депутата. Коммонер Гарвуд заявил: «Поведение дающего и берущего взятку одинаково позорно и должно быть наказуемо законом». Томас Ли, лорд Кавендиш и Николас Каро сообщили палате о фактах подкупа отдельных депутатов двором, либо французским королем. Полковник Берч, заявивший, что неоднократно слышал о случаях подкупа депутатов, с гневом восклицал: «Ведь народ будет думать, что король дает нам деньги для того, чтобы мы поступали вопреки интересам нации»². Он вносил предложение: каждый член палаты общин должен поклясться в том, что не получал денег.

С яркой речью выступил виг Уильям Ковентри: «Известно, что некоторые члены парламента были подкуплены. До тех пор, пока эти скандальные явления не прекратятся, мы не сможем должным образом служить Отечеству. Подобные поступки подрывают наш авторитет. Я требую наказания виновных, вплоть до осуждения их через печать: поскольку об их поведении стало известно за границей, так пусть и об их наказании узнает весь мир». Не менее категорично прозвучала речь депутата Харборда. «Тот, кто пытается подчинить законодательную власть какому-либо лицу, обвиняется в государственной измене, — заявил он,

---

¹ Ibid. P. 843—844.

² Ibid. P. 664.

— поэтому я предлагаю каждому из присутствующих предстать перед палатой и опротестовать обвинение в подкупе. И если будет установлено, что депутат получал какое-либо вознаграждение за свою службу в парламенте, то это будет расцениваться как преступление и государственная измена»¹.

Таким образом, ведя борьбу с коррупцией, виги выступали за укрепление авторитета парламента, преимущественно его нижней палаты. Они добивались не только расширения существующих привилегий, но и стремились завоевать новые. Это с особенной очевидностью демонстрируют дебаты, развернувшиеся вокруг законопроекта «о лучшем обеспечении свободы подданных».

Знаменитый Habeas Corpus Act — один из законов, положенный в основу «неписаной конституции» Англии, предусматривал обязательное представление арестованного в суд для рассмотрения вопроса о законности его ареста. Закон явился результатом десятилетней борьбы (с 1668 по 1679 г.), которую вели виги с королем. Первоначально целью депутатов, предлагавших данный законопроект, было добиться ограничения власти короля и судов и по крайней мере обеспечить себе и людям своего класса свободу высказывать собственное мнение без опасения. Депутаты предлагали чтобы заключенных не высылали за пределы Англии. Однако их предложения не нашли отклика в палате лордов. И тогда в 1673 г. билль был выдвинут на обсуждение в палате общин повторно.

Виги выступили с критикой существующей системы правосудия. Томас Клардж подчеркнул, что Карл II за время своего правления подписал приказов о заключении в Тауэр больше, чем все его предшественника за 200 лет. Николас Каро сообщил сведения о наличии «незаконных тюрем» в доме шерифа. Полковник Берч отметил, что в Англии, как правило, осуждают по приказу короля или министра. «И хотя некоторые утверждают, что король не может сделать ничего дурного, — заявлял он, — никто не должен быть заключен в тюрьму без предварительного рассмотрения дела обвиняемого». Виги Р. Темпл и А. Норт поддержали предыдущих ораторов, утверждая: «если мы ценим свои свободы, то обязаны охранять их по закону»².

Дебаты закончились принятием билля «О предотвращении незаконного заключения в тюрьму подданных Англии». Хотя Палата лордов вновь отклонила законопроект, но, по настоянию палаты общин, была вынуждена неоднократно вновь к нему возвращаться. В 1679 г. билль наконец-то стал законом. Принятый акт был дорог, как вигам, так и тори, поскольку ограничивал произвол репрессивных органов государ-

---

¹ Ibid. P. 1000—1001.

² Ibid. P. 661—662.

ства. В то же время действие закона не распространялось на лиц, заключенных за долги. А поскольку в эту категорию попадали, как правило, представители народных низов, то совершенно очевидной становится социальная направленность закона. На это указывал в свое время британский историк Дж. Роджерс. «Я полагаю, что Habeas Corpus Акт и другие гарантии свободы, — писал ученый, — были более важными гарантиями для богатых и знати, чем для трудящихся, и что крестьяне и ремесленники напрасно рассчитывали на помощь этого закона»¹.

Итак, проанализировав основные аспекты конституционного законодательства в период правления Карла II Стюарта, можно сделать следующие выводы. Выработка законодательства Англии происходила демократичным путем: в обсуждении биллей активное участие принимали парламентарии, представители двух политических партий — правительственной (тори) и оппозиционной (виги). Сами законопроекты становились предметом борьбы партий, которая велась с переменным успехом и затрагивала все сферы общественного устройства. В этой борьбе партия тори отстаивала интересы земельной и финансовой аристократии, виги защищали законопроекты, отвечавшие нуждам и чаяньям торгово-промышленной буржуазии и нового дворянства. Нередко общие экономические интересы объединяли ряды противников, в результате чего парламент принимал компромиссные решения. Отметим, что на время межпартийные распри забывались и тогда, когда парламент обсуждал законопроекты, затрагивавшие интересы народных низов, и представители имущих слоев единым фронтом выступали против трудящихся. В силу этого законодательство Англии периода Реставрации носило ярко выраженный классовый характер. В то же время деятельность реставрационного парламента, в котором активную роль начали играть политические партии, явилась своеобразной прелюдией к длительному процессу демократизации представительного учреждения, который предстояло пережить Великобритании в XVIII—XIX веках.

---

¹ *Rogers J.E.* A History of Agriculture and Prices in England. Oxford, 1887. Vol. V. P. 103.

КАРКОЗАШВИЛИ Н.Ш.

**«Американский опыт» и развитие парламентской системы
Великобритании в XIX веке**

КАРКОЗАШВИЛИ НЕЛЛИ ШАЛВОВНА,

кандидат исторических наук,
доцент кафедры всеобщей истории
Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова
(Ярославль, Россия);
e-mail: neliko66@list.ru

Аннотация: В статье приведены суждения британских путешественников первой половины XIX в. о функционировании представительных органов власти США. Доказывается, что благодаря культурному диалогу между Великобританией и США, который осуществлялся в том числе посредством публикации литературных сочинений англичан об Америке, заметно ускорился процесс демократизации британской парламентской системы в XIX веке.

Ключевые слова: культурный диалог, избирательная система, парламентская реформа, американский опыт.

**«Американский опыт» и развитие парламентской системы
Великобритании в XIX веке**

В первой четверти XIX века в общественно-политическом устройстве Великобритании сохранялось еще немало устаревших институтов. Довольно архаичной выглядела парламентская система, мало изменившаяся со времен Средневековья. Правом голоса обладало около 6 % населения, поэтому парламент представлял лишь элиту общества. Однако, начиная с реформы 1832 г., принципы формирования законодательного органа стали кардинально меняться, и к концу столетия состав избирателей, увеличившись в несколько раз, включал в себя не только фермеров, но и рабочих.

Каковы же причины столь резких перемен? Только ли импульсами внутреннего развития можно объяснить стремительный скачок в демократизации политической системы Великобритании в XIX веке?

Важная роль в историческом процессе принадлежит культурному взаимодействию стран. Диалог культур способствует углублению и ускорению саморазвития, взаимообогащению за счет иного цивилизационного опыта. Подобный диалог особенно важен в переломные эпохи истории, когда «мы ставим чужой культуре... вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответы на наши вопросы, и чужая

культура отвечает нам, открывая ... новые свои стороны, новые смысловые глубины»¹. Наиболее плодотворными бывают контакты, осуществляемые на обыденном человеческом уровне. Они позволяют тонко прочувствовать «инаковость» противоположной стороны, сравнить разный исторический опыт, поразмышлять о возможности заимствования альтернативной модели развития.

С конца XVIII века в Британии неуклонно усиливался интерес к Соединенным Штатам Америки — государству, образованному на основе демократических принципов. Буквально все общество охватил настоящий «американский бум», выразившийся и в растущей популярности всевозможных публикаций об Америке. Их авторы — отправлявшиеся за океан литераторы, журналисты, общественные деятели, ученые — описывали свои путешествия на страницах сочинений, издававшихся в форме путевых заметок, дневников, писем. Эти произведения стали главным «каналом» культурного взаимодействия между странами. То, что наблюдателями американских реалий выступили именно британцы, связанные с жителями США общностью языка и исторического прошлого, помогало им лучше понимать увиденное. В то же время, путешественники-англичане особенно скрупулезно анализировали положение дел в бывшей колонии, уделяя первостепенное внимание ее политическому устройству.

Представительная система североамериканской республики, основанная на принципах демократического избирательного права и гражданского равенства, по-разному оценивалась британцами. Живший в США в 1817—1819 гг. прогрессивный общественный деятель Уильям Коббет с воодушевлением писал о возможности американцев непосредственно воздействовать на верховные органы власти: «Если те, кого выбрали, не оправдают надежд, их не перевыберут во второй раз». Он выразил глубокое сожаление по поводу того, что большинство англичан было лишено такого права². Сторонники же консервативной идеологии, как правило, резко критиковали утвердившееся в большинстве штатов уже к началу 1830-х гг. «всеобщее избирательное право», распространявшееся на всех взрослых белых мужчин. Писатель Фредерик Марриат, посетивший Америку в те годы, полагал, что «люди еще недостаточно просвещены для самоуправления», а «малообразованные фермеры» не в состоянии сделать правильный выбор, от которого могла зависеть судьба государства³.

---

¹ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 227.

² Cobbet W. A Years of Residence in the United States of America. Fontwell, 1991. P. 118.

³ Marryatt Fr. Diary in America. L., 1839. P. 57.

О демократическом составе органов представительной власти в Америке путешественники также высказывались в соответствии со своими политическими взглядами. Ученый-геолог Чарльз Лайелл, находившийся в Америке в середине 1840-х гг., описал выборы в конгресс от Массачусетса, на которых кандидатами на пост сенатора выступили: печатник, плотник, кузнец, землемер, топограф. Представителями от штата в нижней палате конгресса тогда же выразили желание стать: сапожник, портной, 8 плотников, 4 печатника, инженер и другие не подходящие, по мнению англичанина, для государственной деятельности люди¹. По мнению журналиста Чарльза Маккея, посетившего Соединенные Штаты в конце 1850-х гг., из-за вовлечения в политическую сферу людей малообразованных властными полномочиями зачастую наделялись непрофессионалы². Впрочем, симпатизировавший американской демократии политик Ричард Кобден, побывавший за океаном дважды – в 1835 и 1859 гг., посетив легислатуру Нью-Йорка, подробно описал и высоко оценил работу обеих ее палат – ассамблеи и сената, нисколько не смутившись тем, что большинство законодателей штата составляли фермеры³.

По словам Ч. Лайелла, вследствие «чрезмерной» демократичности избирательного права, в высшие органы власти североамериканской республики проникали не только невежественные, но и беспринципные люди⁴. Писательница с передовыми взглядами Гарриет Мартино, путешествовавшая по США в середине 1830-е гг., была крайне разочарована тем, что жители Америки нередко проявляли «поразительное безразличие к тому, насколько честны перед законом были избираемые ими лица»⁵.

Таким образом, в публикациях путешественников была обозначена одна из острейших проблем демократической модели парламентаризма – участие в формировании законодательных органов лиц с недостаточным уровнем образования и социальной ответственности. В качестве возможного варианта ее решения Г. Мартино предлагала популяризацию в американском обществе политических знаний, преподавание соответствующих дисциплин во всех учебных заведениях, начиная с общеобразовательных школ⁶. На взгляд писательницы, это способствовало бы формированию у рядовых американцев зрелого политического

---

¹ *Lyell Ch.* A Second Visit to the United States of North America. L., 1848. Vol. 1. P. 90.

² *Mackay Ch.* Life and Liberty in America. L., 1859. P. 307.

³ *Cobden R.* The Diary in America. L., 1952. P. 99.

⁴ *Lyell Ch.* Op. cit. P. 95.

⁵ *Martineau H.* Society in America. New York, 1981. P. 135.

⁶ *Ibid.* P.197.

мышления, позволило бы им лучше разбираться в политике, готовиться к полезной для общества деятельности в органах власти¹.

Избрание в число законодателей представителей малоимущих слоев населения было возможным благодаря выплате им в соответствии с Конституцией США достаточно высокого жалования. Критики американской демократии усматривали в этом «лазейку», позволявшую проникать во властные структуры лицам, не заслуживающим права участвовать в управлении государством. По словам И. Бишоп, отсутствие в Великобритании подобной практики, благодаря чему парламентариями могли становиться лишь состоятельные, а потому — «более достойные люди», во многом снимало угрозу национальным интересам страны².

В ходе реформ Британского парламента в XIX веке его состав неуклонно демократизировался. Одновременно усиливались позиции Палаты общин, долгое время фактически находившейся под контролем верхней палаты. Палата лордов окончательно потеряла свои привилегии и даже была ограничена в полномочиях в соответствии со специальным парламентским актом 1911 года³. Тогда же было установлено жалование для членов палаты представителей, что и привело к значительному расширению социального состава парламентариев.

Демократическая система голосования в США весьма актуализировала проблему борьбы со злоупотреблениями. Путешественники обратили внимание на самые разнообразные нарушения закона, происходившие во время выборных кампаний. Среди них — «фальсификация итогов баллотирования», «выдача избирателем себя за другое лицо», «применение различных форм насилия»⁴. Широко применявшимся приемом предвыборного противостояния И. Бишоп назвала «трескучее фразерство» — шумные декламации, обманчивые обещания⁵. О подкупках, клеветничестве, шантаже и прочих незаконных «средствах» политической борьбы писал Ч. Лайелл⁶ и другие авторы.

В то же время отмечались усилия американских властей по борьбе с подобными фактами. Соответствующие законы были приняты в ряде штатов уже к 1830-м гг. В Англии борьба с нарушениями на выборах активизировалась после реформы 1832 г. К примеру, парламентские акты 1852 и 1854 гг. содержали определение нескольких видов коррупционной деятельности, заметно расширяя возможности борьбы с ней.

---

¹ Ibid.

² *Bishop I.* The Englishwomen in America. Madison, 1966. P. 90.

³ *Айзенштат М.* Британский парламент и общество в 30—40 гг. XIX в. М., 1997. С. 104.

⁴ *Cobden R.* Op. cit. P. 123.

⁵ *Bishop I.* Op. cit. P. 117.

⁶ *Lyell Ch.* Op. cit. Vol. 2. P. 90.

Акт 1883 г. устанавливал максимум расходуемых во время выборов денежных средств и количество оплачиваемых кандидатами помощников¹.

Одним из способов противодействия нарушениям закона на выборах в США стала утвердившаяся во многих штатах система тайного голосования. Ее критики из числа путешественников полагали, что «в условиях повышенной секретности... становилось возможным «проталкивание» весьма опасных и безответственных решений»². В то же время, по мнению Г. Мартино, подобная форма волеизъявления избирателей исключала саму возможность их запугивания со стороны заинтересованных в результатах выборов лиц, «что... делало более справедливой и законной процедуру избрания»³.

Проблема «прозрачности» процедуры голосования была актуальной и для британского общества. Противники традиционной, публичной системы выборов уже с конца XVIII в. выступали с требованием законодательного изменения формы голосования. Однако на протяжении почти трех четвертей XIX столетия предложения об учреждении тайного голосования в Англии неизменно отклонялись парламентом. Дискредитации этой идеи в немалой степени способствовала агитация чартистов, включивших пункт о тайном голосовании, как и требование установления жалования для парламентариев, в свою программу политических реформ. Но, в конце концов, под нажимом демократического общественного движения акт о введении тайного голосования (The Ballot Act) был утвержден парламентом в 1872 г.⁴

Путешественники отметили чрезвычайно важную роль в организации выборов в представительные органы власти США политических партий, которые всеми способами стремились завоевать демократический электорат. Они проводили активную агитационную деятельность, выступали с широковещательными партийными программами, в которых фиксировались обязательства перед избирателями, устраивали регулярные встречи своих лидеров с населением, организовывали досуг избирателей — праздники, спортивные соревнования, концерты, лекции, оказывали помощь нуждающимся⁵. Правда, в публикациях англичан акцентировались, прежде всего, пагубные результаты функционирования политических партий в Америке. Порочный «партийный дух», который «заполняет собой все поры общественного организма американской республики, проникая буквально во все сферы его дея-

---

¹ *Woodward L.* The Age of Reforms. England 1815—1870. Oxford, 1992. P. 324.

² *Bishop I.* Op. cit. P. 401.

³ *Martineau H.* Op. cit. P. 177.

⁴ *Woodward L.* Op. cit. P. 189.

⁵ *Манькин А.С.* История двухпартийной системы США (1789—1980). М., 1981. С. 156.

тельности», путешественники считали главным злом политической системы США¹. Тем не менее, изучение роли американских партий в предвыборной борьбе оказалось полезным для Великобритании. Демократизация общественно-политического устройства, начавшаяся после парламентской реформы 1832 г., требовала активного использования партийного механизма в системе государственного управления. Этой задаче отвечало окончательное организационное оформление в 1860—1870-е гг. консервативной и либеральной партий, все чаще и успешнее применявших «американский опыт». Со второй половины XIX века политика британских политических партий стала качественно меняться. Ими были подготовлены программные документы, в значительной мере проникнутые демократическим духом и ориентированные на решение социальных проблем. На местах создавались регулярно действовавшие партийные комитеты, среди населения стала проводиться разнообразная агитационная работа, призванная стимулировать политическую активность рядовых британцев².

Одним из важнейших условий функционирования демократической представительной системы США являлась невиданная нигде прежде гражданская активность населения, проявлявшаяся не только в широкой выборной практике, но и деятельности многочисленных общественных организаций, оказывавших весьма ощутимое влияние на органы власти. По словам И. Бишоп, причиной возникновения разнообразных социальных движений обычно являлось действительное или мнимое ущемление интересов определенной части граждан, которые «объединяются в общество и привлекают делегатов из других мест. С быстротой, которую едва можно было бы ожидать, выпускается декларация, ...устраиваются общественные митинги, и полностью дооформляется организация, имеющая филиалы по всей стране...»³. Наибольшую активность демонстрировали жители Новой Англии с ее «изобилием всевозможных движений за реформы». Почти любая концепция усовершенствования общества в целом или какого-то аспекта его жизни вскоре приводила к созданию группы, активно начинавшей бороться за поддержку, средства и новых сторонников. Так возникли движения за школьную, муниципальную, тюремную реформы, ассоциация борьбы за трезвость, имевшая филиалы во многих штатах⁴.

Наибольший подъем общественно-политических движений пришелся на эпоху «джексоновской демократии» в конце 1820-х — первой по-

---

¹ *Berger M.* The British traveler in America, 1836—1860. New York, 1964. P. 93.

² *Торопова С.Ю.* Становление и эволюция двухпартийной системы Викторианской Англии. Ярославль, 1998. С. 55.

³ *Bishop I.* Op. cit. P. 146.

⁴ *Бурстин Д.* Американцы: национальный опыт. М., 1993. С. 130.

ловине 1830-х гг., когда появились первые рабочие объединения, фермеры и скваттеры боролись за расширение допуска к общественным землям, активизировалась деятельность сторонников социальных реформ¹. Одним из наиболее заметных в середине XIX в. стало феминистское движение², успеху которого немало способствовали выступления сторонниц женской эмансипации из Великобритании. Среди них выделялась известная поборница прогрессивных общественных идей Френсис Райт³. Ключевым направлением деятельности феминисток стал суфражизм — движение за избирательное право для женщин, первым значимым успехом которого стало предоставление права голоса американкам в штате Вайоминг в 1869 г.⁴

На взгляд консервативно настроенных путешественников, «чрезмерное» влияние граждан США на сферу государственного управления негативно воздействовало на внутреннее развитие страны, делая политическую жизнь сумбурной, хаотичной, а власть — неустойчивой⁵. Противники американской демократии не могли допустить и мысли о том, что политическая активность населения может быть неотъемлемой частью единой архитектуры власти: с одной стороны, действуя в роли препятствия, не допускающего чрезмерного возвышения властной вертикали и сохраняющего политический баланс в обществе, а с другой, в качестве направляющей силы, позволяющей правительству точнее выверять политический курс. Подобный механизм взаимодействия между гражданским обществом и государством необходим для осуществления обратной связи, обеспечения максимальной прозрачности и ответственности власти.

Ускорившееся с начала 1830-х гг. реформирование политического устройства Великобритании также происходило в обстановке растущей активности широких народных масс, без чего не состоялись бы многие кардинальные преобразования. Различные группировки и движения, возникавшие как политические, общественные, профессиональные объединения, оказывая все больший нажим на власть, побуждали ее быстрее осуществлять назревшие реформы, становясь все более действенной частью формирующегося гражданского сообщества, основой властной «горизонтали». Одним из наиболее активных стало суфражистское

---

¹ Концепция «американской исключительности»: идеология политика, культура // Проблемы американистики. М., 1993. № 9. С. 50.

² *Bishop I.* Op. cit. P. 35.

³ *Païm Ф.* Курс публичных лекций // Феминизм: проза, мемуары, письма, эссе. М., 1992.

⁴ *Лайтфуд К.* Права человека по-американски. От колониальных времен до «Нового курса». М., 1983. С. 55.

⁵ *Hall B.* Travels in North America. Edinburgh, 1829. Vol. 3. P. 189.

движение, начавшее организационно оформляться в середине 1860-х гг. Действуя с переменным успехом, британские феминистки сумели добиться предоставления женщинам права голоса сначала на муниципальных выборах, а в первые десятилетия XX в. — и на парламентских.

В сочинениях англичан об Америке первой половины XIX в. была дана оценка новой для того времени демократической модели представительных органов власти. Противоречивость высказываний путешественников во многом отражала остроту разгоревшейся в британском обществе дискуссии о парламентской реформе. А преобладание критических суждений свидетельствовало о неготовности значительной части политической элиты принять демократический вариант парламентаризма. Тем не менее, активное обсуждение опыта политического развития все более успешного североамериканского государства создавало почву для его детального изучения и усвоения, способствовало формированию в британском обществе благоприятной для демократических преобразований атмосферы. Знакомство на страницах сочинений путешественников с вполне благополучной жизнью заокеанской республики формировало у англичан более терпимое отношение к считавшейся после событий Французской революции многими неприемлемой демократической форме власти. Благодаря осуществленным в «эру великих реформ» преобразованиям были созданы прочные основы гражданского общества, формировалась «срединная культура», возникла почва для консолидации нации.

Осмысление подробно изученного путешественниками из Великобритании опыта развития представительной системы США в первой половине XIX века и на современном этапе может помочь вступающим на путь демократизации странам извлечь из него необходимые уроки и избежать возможных ошибок.

ЖОЛУДОВ М.В.

Либералы в парламентской жизни Великобритании XIX века

ЖОЛУДОВ МИХАИЛ ВАЛЕНТИНОВИЧ,

кандидат исторических наук, доцент кафедры
всеобщей истории и международных отношений
Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина
(Рязань, Россия);
e-mail: mikhailzhol@yandex.ru

Аннотация: В статье дан анализ влияния либералов на развитие парламентаризма в Великобритании в XIX в. Автор исследует причины и пути становления британского либерального общества в период, когда страна фактически оказалась на грани революционного взрыва, потрясшего в это время многие европейские страны. Сделан вывод о том, что политика либеральной партии Великобритании по проведению парламентских реформ позволила властям преодолеть серьезный социально-политический кризис и стабилизировать ситуацию в государстве.

Ключевые слова: Великобритания, XIX век, британский парламент, либеральная партия, либералы, виги, парламентские реформы.

Либералы в парламентской жизни Великобритании XIX века

Либералы сыграли важную роль в развитии британской парламентской системы. Об этом свидетельствует тот факт, что, начиная с 30-х гг. и до середины 80-х гг. XIX в., они доминировали в политической жизни Великобритании. В течение 55 лет, с 1830 до 1885 г., в стране сменились десять либеральных кабинетов, находившихся у власти 41 год, и шесть консервативных правительств, бывших у власти только 14 лет. При этом консерваторы сохраняли за собой власть в значительной мере ценой проведения политики, которая по существу являлась завершением политической линии либералов, как, например, отмена «хлебных законов» (1846) или второй билль об избирательной реформе (1867).

Либеральная партия Великобритании XIX в. сформировалась на основе «старой» аристократической партии вигов. На протяжении первой половины века шел активный процесс изменения характера вигской партии. В прошлое уходил образ «старого вигизма»: образованного, богатого и замкнутого политического клана аристократии. Постепенно усиливалось левое крыло партии за счет менее родовитых, но блестящих политиков либеральных взглядов вроде Г. Брума и С. Ромилли. Среди левых вигов было много сторонников проведения умеренной парламентской реформы, суть которой заключалась в ликвида-

ции наиболее одиозных «гнилых местечек» (т.е. фактически обезлюдивших избирательных округов. — М.Ж.) и перераспределении депутатских мест в парламенте представителям крупных индустриальных городов и промышленных графств. В октябре 1829 г. близкий к левым вигам журнал «Эдинбург ревью» опубликовал программную статью, в которой излагались основные пункты предполагаемой реформы. По мнению анонимного автора статьи (а им, предположительно, был Г. Брум.), британский парламент необходимо реформировать, чтобы он отражал «интересы средних классов» и тем самым положил конец «любым преимуществам для каких-либо форм собственности»¹.

В середине 1830 г. виги окончательно поддержали либеральную идею проведения парламентской реформы. Таким образом, они становились политическими представителями средних классов Великобритании, пока последние не приобрели достаточного парламентского опыта. Многие из вигов сами были вовлечены в предпринимательскую деятельность (Дарем, Фицуильям и др.). Они проявляли способности в политике компромисса и уступок, справедливо полагая, что их собственная безопасность и сохранение их собственности, а также политическая стабильность зависят от немедленного проведения реформ. Они старались не допускать преобладания радикальных настроений в реформаторском движении и соблюдать преемственность в развитии британских конституционно-правовых учреждений. К тому же, находясь в оппозиции, виги хотели использовать движение за парламентскую реформу для возвращения к власти. Подъем массового народного движения за реформу и активная деятельность радикальных политических союзов заставили лидеров вигов включить вопрос о реформе в свою программу. Они считали, что лучше возглавить борьбу за парламентскую реформу, нежели ждать, пока движение «снизу» принесет непредвиденные результаты.

Серьезное влияние на процесс либерализации вигов оказало революционное движение в Европе, особенно Июльская революция 1830 года во Франции². События в Париже ускорили осознание верхушкой вигской партии необходимости проведения умеренных реформ политической системы во избежание революционных потрясений. Призрак якобинского экстремизма подтолкнул осторожных и аристократических вигов к переходу на более радикальные позиции, что выразилось в ускорении принятия ими лозунга парламентской реформы. Опираясь на

---

¹ Edinburgh Review. 1829. Vol. 50. № 100. P. 125.

² См. подробн.: *Жолудов М.В.* Политические партии Великобритании и Июльская революция 1830 года во Франции // Проблемы новой и новейшей истории. Рязань, 1996. С. 9—20; *Баутина Н.П.* Британское общество и Июльская революция 1830 года: Автореф. дис. ... к. ист. н. М., 2012.

британское общественное мнение, виги использовали «французский пример» как эффективное средство давления на противников парламентской реформы в Великобритании.

В августе 1830 г. сторонники реформы побеждают на парламентских выборах, а в ноябре они уже формируют свое правительство во главе с лордом Греем. Однако это уже не был чисто вигский кабинет министров. Это было коалиционное либеральное правительство, в которое помимо вигов вошли каннингиты (сторонники Дж. Каннинга, «либеральные тори». — М.Ж.) и умеренные радикалы и которое своей главной целью поставило проведение парламентской реформы. По существу, тем самым было положено начало формированию либеральной партии Великобритании. В июне 1832 г. после тяжелейших политических баталий цель коалиции была достигнута. Великий билль о реформе был принят.

После принятия закона о парламентской реформе двухпартийная система Великобритании вступила в качественно новый период своего развития. Это было связано с политическими последствиями Билля: ликвидацией большого числа «гнилых местечек», перераспределением депутатских мест в парламенте в пользу крупных промышленных городов и графств, некоторым расширением избирательных прав средних классов. Новые политические реалии диктовали необходимость поиска новых методов и форм борьбы за власть, учитывающих усиление роли электората, палаты общин и общественного мнения.

В 30—50-х годах XIX в. либеральная партия еще очень мало походила на современные политические партии. У нее отсутствовали самые элементарные по нынешним понятиям атрибуты политической партии: не было программы и устава, не было фиксированного членства, не проводились регулярные конференции или съезды. У нее не было даже общепризнанного официального лидера. Тем не менее, термин «партия» постоянно был в обращении (особенно после 1832 г.) у тогдашних политиков и публицистов, если им необходимо было обозначить разнородную, но в то же время взаимосвязанную группировку реформаторов в палате общин. Правда, сама эта партия называла себя в те времена по-разному: «либеральной», «вигской», «умеренной», «конституционалистской», «радикальной», «передовой» и тому подобное¹.

Собственно, политический термин «либерал» появился в Великобритании в 20-е гг. XIX в., чтобы выделять тех членов вигской партии, которые выступали за более радикальные реформы, чем другие виги. Название «либерал» появилось в английском политическом обиходе по аналогии с наименованием уже существовавших группировок французских и испанских либералов. Противники левого крыла вигской партии

---

¹ См.: *Southgate D. The Passing of the Whigs. 1832—1886. L., 1962. P. 39.*

использовали этот термин в оскорбительном смысле, часто в испанской или французской транскрипции, чтобы подчеркнуть якобы иностранное, небританское происхождение либеральных идей. Однако сторонники реформ стали носить это прозвище с гордостью, явно подразумевая под ним значение «реформатор». Во второй половине 20-х гг. термин «либерал» перешел в постоянное употребление, но еще не в качестве официального названия партии или группировки. Так, в 1825 г. торийский публицист Хейзлитт назвал поэта Дж.Г. Байрона «либералом в политике», подразумевая радикальные настроения этого сторонника вигской партии.

Когда в 1830—1832 гг. в парламенте сформировалась либерально-реформаторская коалиция, то возникла необходимость найти общее название для этих политических сил, имевших общие цели, но не приемлевших в качестве общего названия наименование любой из этих группировок. Наиболее удачным оказалось название «либералы», вполне отражавшее общие реформаторские устремления этих группировок. Хотя после проведения парламентской реформы в 1832 г. в довольно неустойчивой либеральной коалиции усилились разногласия, политическое единство все же сохранилось. Один из лидеров либеральной коалиции лорд Рассел был, пожалуй, первым, кто использовал официально новое название партии. С 1839 г. в своих ежедневных письмах к королеве Виктории он постоянно употреблял термин «либеральная партия».

В 30—50-х гг. XIX в. термины «виг» и «либерал» существовали параллельно в парламентских дебатах, прессе, политической переписке. «Либерал» не был простым синонимом «вига», как это случалось с понятиями «консерватор» и «тори». Либеральная партия Великобритании того времени представляла собой парламентскую коалицию, одним из главных компонентов которой являлась аристократическая группировка вигов.

Вигское крыло доминировало в либеральной партии на протяжении 30—50-х гг. XIX в. Либеральные правительства почти целиком состояли из вигов. Лидерами либералов в палате общин и палате лордов были также виги. Виги были сильны своей сплоченностью и клановостью. Это была партийная группировка кланового типа. Вигские семьи поддерживали друг с другом традиционные, насчитывающие не одно столетие, связи; выбирали себе жен и мужей из узкого круга претендентов. Один из ведущих апологетов вигизма сэр Ф. Бэринг в работе «Первый лорд Нортбрук» (1840) так определил суть этого явления: «Вигизм означает существование группы людей, связанных между собой знатностью и богатством, сплоченных родственными чувствами, так же как и высокой нравственностью; виги в трудные времена поддерживают священный огонь свободы, а когда народ восстает, то идут вместе с народом, но не до крайностей. Виг подобен поэту, им нельзя

стать, им надо родиться. Вигом стать так же сложно, как стать евреем»¹. Закон о реформе 1832 г. фактически уничтожил «старую» вигскую партию. Лорд Рассел писал в 1839 г.: «Я всегда считал, что вигская партия, как партия, будет уничтожена биллем о реформе»². Так оно и вышло. Но, с другой стороны, билль дал вигам шанс на выживание в новых условиях.

У либеральной партии отсутствовала какая-либо написанная программа. В этом она значительно уступала консервативному лагерю, так как уже в 1834 г. лидер консерваторов Р. Пиль выступил с общенациональным избирательным манифестом, так называемым Тамвортским манифестом. Либералы не последовали примеру своих политических оппонентов, так как представляли собой коалицию и им чрезвычайно сложно было выработать единый программный документ, который удовлетворил бы интересы всех сторон. Первая либеральная программа была представлена У. Гладстоном лишь в январе 1874 г. До этого времени либералы использовали вместо стройной программы целый набор политических лозунгов, наиболее популярными из которых были следующие: «Реформа», «Сохранение мира», «Сокращение государственных расходов», «Свободная торговля», «Веротерпимость» и т.д.

Коалиционный характер либеральной партии определил отсутствие общепризнанного лидера партии. По мнению многих современников, наиболее приемлемым кандидатом на роль лидера либеральной партии был лорд Олторп. Он был популярен среди различных слоев британского общества и среди всех политических сил, входивших в либеральную коалицию, он обладал политическим тактом, был лишен социальных предрассудков, имел интересные идеи в вопросах о подоходном налоге и «хлебных законах». Но у лорда Олторпа было два необычных для политика изъяна: отсутствие политических амбиций и нежелание работать в правительстве.

После принятия нового избирательного закона в Великобритании заметно ускорился процесс создания местных партийных организаций. В Акте 1832 г. содержалось положение о регистрации избирателей — сторонников той или иной партии. Предусматривалась ежегодная регистрация избирателей и уплата ими определенной суммы денег при внесении в избирательные списки. Уже в том же 1832 г. появились первые регистрационные общества: у либералов — Рочдейльская ассоциация реформ, у консерваторов — Ливерпульская консервативная ассоциация. Важность появления нового элемента политической системы прекрасно понимали лидеры либералов. Дарем в одном из своих публич-

---

¹ English Party Politics. L., 1970. Vol. I. P. 97.

² Gash N. Reaction and Reconstruction in English Politics. 1832—1852. Oxford, 1965. P. 157.

ных выступлений в 1834 г. отмечал: «Первейшим делом для нас сейчас является создание и оформление политических ассоциаций в каждом городе и каждом селении империи. Если они появятся, то нас никогда вновь не предадут ни безумные тори, ни робкие виги»¹. Партийные регистрационные общества проводили регулярные собрания, встречи с депутатами парламента, организовывали по подписке сбор средств на нужды партии. Каждое общество имело секретаря и казначея. Но их главными задачами все-таки были подготовка и проведение выборов. Они занимались подбором кандидатов, оказанием материальной поддержки кандидатам, участвовали в регистрации избирателей. Однако сеть локальных партийных организаций развивалась очень медленно. Одной из главных причин такой ситуации являлось то, что в большинстве избирательных округов выборы членов парламента были безальтернативными. Борьба между кандидатами была редким явлением вплоть до середины 80-х гг. XIX в.

После 1832 г. либеральное правительство лорда Грея проводило в основном умеренно-консервативную политику, мало отличавшуюся от той, которой бы на его месте придерживался торийский кабинет. Сам Грей писал об этом следующим образом: «Мы старались проводить эти мероприятия по реформе, строго следуя консервативным принципам, желая прикрыть слабые стороны правительства и оградить его от нападок противников»². Лишь один вопрос радикального характера был вынесен правительством на рассмотрение палаты общин: вопрос о реформе ирландской церкви. И этот вопрос впервые расколол либеральное большинство палаты общин на «старых» вигов и тех, кто к ним примкнул в начале 30-х гг.

Некоторые из «старых» вигов были напуганы стремлением радикалов к дальнейшей демократизации избирательной системы страны. Они рассматривали реформу 1832 г. как окончательную меру и больше не желали никаких изменений. В 1834 г. по этой причине Стенли и Грэм, влиятельные виги и члены кабинета лорда Грея, вышли из состава правительства, посчитав его деятельность излишне радикальной. Грэм в письме Гренвиллу следующим образом объяснял свой поступок: «Я стал представителем моего родного графства как член старой вигской партии, связав себя обещаниями поддержать парламентскую реформу, но я остался явным сторонником протестантской церкви и противником тайного голосования, коротких парламентов и всех тех лозунгов, с помощью которых нападают на королевскую и аристократическую власть. Не следует удивляться моему выходу из партии вигов. Они (виги — М.Ж.) сохранили имя, но, как мне кажется, изменили своим принци-

---

¹ *Jennings W.I. Party Politics. Cambridge, 1961. Vol. 2. P. 91.*

² *Gash N. Op. cit. P. 158.*

пам. Я же сохранил свои принципы, но равнодушен к имени»¹. Однако далеко не все «старые» виги отвернулись от либерального правительства. Большинство продолжало его поддерживать. Очевидно, что это произошло из-за сильно развитого у вигов чувства клановости и исторической традиции антиторизма.

Выход из партии Стенли, Грэма и их сторонников, с одной стороны, стимулировал развитие правительственного кризиса, который повлек за собой отставку кабинета лорда Грея и приход к власти консервативного правительства. Но, с другой стороны, уход ряда правых вигов укрепил либеральную коалицию, сделав ее более гибкой и открытой по отношению к радикалам.

В сложных условиях политического кризиса 1834 г. либеральной коалиции удалось сохранить единство. Уже в феврале 1835 г. в Личфилд-хаузе по инициативе Дж. Рассела было проведено совещание представителей оппозиционных группировок (вигов, английских и ирландских радикалов). Совещание, целью которого являлась выработка плана совместных действий по низложению правительства консерваторов, продемонстрировало сплоченность либеральной коалиции и способствовало возвращению либералов к власти в том же 1835 г., хотя не обошлось без конфликтов. Так, некоторые «старые» виги (например Грей и Ланздаун) возражали против участия в соглашении такой одиозной, на их взгляд, фигуры, как лидер ирландских радикалов-рипилеров Д. О'Коннел². Однако, как показало время, О'Коннел проявил себя преданным союзником. По справедливому замечанию Н. Гэша, личфилдское соглашение создало прочную основу для оформления «реальной» либеральной партии³.

Таким образом, к середине XIX в. определилась особая тенденция в процессе формирования либеральной партии Великобритании, выразившаяся в сглаживании крайностей во взглядах различных группировок либеральной коалиции и переходе, как правых вигов, так и левых радикалов на более умеренные, центристские позиции. Это явление подметил журнал «Вестминстер ревью»: журнал отмечал, что в результате парламентских выборов 1837 г. в палате общин уменьшилось количество как «чистых» вигов, так и левых радикалов, одновременно увеличилось число умеренных радикалов, которые составляли большинство партии реформаторов. По мнению журнала, эти люди представляли средние и высшие круги британского общества, поддерживали идею сохранения в Великобритании конституционной монархии, пала-

---

¹ Ibid. P. 159.

² Рипилеры — ирландские сторонники расторжения англо-ирландской унии 1800 г.

³ См.: *Gash N. Op. cit.* P. 171.

ты лордов и палаты общин, выступали против всеобщего избирательного права. Многие из них были приверженцами государственной англиканской церкви, но видели необходимость проведения умеренной церковной реформы и призывали к веротерпимости. Эти люди настаивали на введении принципа тайного голосования в избирательную систему страны, сокращения срока деятельности парламента, ликвидации или объединения небольших избирательных округов, отмене «хлебных законов» и проведении радикальной реформы ирландской церкви. «Вот такие мнения, в основном, преобладали среди новых членов палаты общин, констатировал автор статьи в «Вестминстер ревью», и эти люди выражали наиболее общие тенденции в реформаторских настроениях»¹.

Заслугой либералов было то, что они сумели адаптировать плавным, эволюционно-реформистским путем, не затрагивая самих основ общественного порядка, государственно-правовые институты Великобритании к новым историческим условиям, возникшим в результате промышленного переворота. Используя гибкие компромиссные методы управления и проведения социальной политики как в отношениях с землевладельческой аристократией, так и в отношениях со средними и низшими слоями британского общества, либералам удавалось поддерживать достаточно высокую стабильность общества, сглаживать социальные конфликты, столь частые в других странах Западной Европы XIX в.

---

¹ Ibid. P. 169.

ГЕЛЛА Т.Н.

Из истории британского парламента конца XIX в.: традиции и новации избирательной кампании 1880 г.

ГЕЛЛА ТАМАРА НИКОЛАЕВНА,
доктор исторических наук, профессор,
заведующая кафедрой всеобщей истории и регионоведения
Орловского государственного университета
имени И.С. Тургенева, Орел, Россия;
e-mail: Gellat@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу избирательной кампании либеральной партии Великобритании накануне парламентских выборов 1880 г. В центре внимания автора — Мидлотианская кампания лидера либералов У. Гладстона и представителей различных течений в партии. В статье также прослеживается внутривнутрипартийная борьба среди либералов за лидерство в партии.

Ключевые слова: либералы, консерваторы, Мидлотианская кампания, У. Гладстон, парламентские выборы.

**Из истории британского парламента конца XIX в.:
традиции и новации избирательной кампании 1880 г.**

Парламентские выборы 1880 г. в Великобритании принесли победу либеральной партии, победу, которая была выстрадана ее членами и лидерами в течение оппозиционного периода 1874—1880 гг.

Целый комплекс проблем внутренней и внешней политики консервативного правительства во главе с Б. Дизраэли дали их политическим противникам основания для критики. Предвыборная кампания либералов представляет собой интересную картину, поскольку наряду с уже традиционными методами агитации, их лидеры прибегли к новым способам привлечения на свою сторону английских избирателей. Это во многом относится к известной Мидлотианской кампании У. Гладстона. В ряде случаев именно внешнеполитические и имперские вопросы выдвигались на первый план в агитационных выступлениях либеральных лидеров.

Афганская и зулусская войны обострили интерес английского общества к колониальным и имперским проблемам. Определенные неудачи британских войск, которые имели место во время военных действий в Афганистане и Южной Африке, большие военные расходы, экспансионистские цели, преследуемые торийским правительством, давали либеральной оппозиции прекрасный повод для критики внеш-

ней политики консерваторов. Российские дипломаты не могли не отметить особенности складывавшейся политической ситуации в стране. Так, в письмах российского посла в Лондоне П.А. Шувалова к министру иностранных дел России Н.К. Гирсу в октябре — ноябре 1879 г. отмечалось, что «совершенные ошибки дали уверенность либералам, и они явно подняли голову», и, кроме того, «лидеры оппозиции не преминули повести атаки наиболее сильные, даже грубые, против политики настоящего кабинета»¹. Характерной особенностью выступлений либеральных лидеров в предвыборный период являлось то, что, наряду с критической направленностью всех их заявлений, они содержали и некоторые позитивные моменты: получали дальнейшее развитие либеральные концепции и уточнялись позиции партийного руководства по важнейшим направлениям колониальной политики.

К началу 1880 г. либеральная партия представляла уже более сплоченную и дисциплинированную организацию, чем в начале оппозиционного периода. Хотя определенные трудности сохранялись. Российские дипломаты подчеркивали в своих донесениях, что «принципиальная слабость оппозиции заключалась в отсутствии единства и программы»². Наиболее серьезные разногласия существовали между правым и левым крылом партии. Ч. Дилк, имея в виду парламент, писал в своих рабочих записях о «сильной нелюбви вигов к нашей (радикалов — Т.Г.) деятельности»³. О подобных сложностях упоминали в своих донесениях и российские дипломаты в Лондоне. Так, М. Бартоломей сообщал Н.К. Гирсу в июле 1879 г.: «Радикалы стремятся все больше и больше держаться в стороне и нисколько не консультируются с явным лидером оппозиции маркизом Хартингтоном»⁴.

Осенью 1880 г. должны были состояться новые парламентские выборы. Политические круги задолго до назначенного срока стали вести предвыборную кампанию. Характерно, что в этот важный для либералов период при наличии в ней видных деятелей — маркиза Хартингтона, лорда Гренвилля, лорда Кимберли, Дж. Чемберлена, Ч. Дилка, Г. Харкорта, Форстера и многих других — голос Гладстона, приближавшегося к своему 70-летнему юбилею, звучал громче и убедительнее всех.

В конце осени 1879 г. У. Гладстон совершил двухнедельную поездку по городам избирательного округа Мидлотиан в Шотландии для встречи со своими избирателями, что стало беспрецедентным событи-

¹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1879 г. Д. 79. ЛЛ. 290, 321 об.—322.

² Там же. 1878 г. Д. 80. Т. 1. Л. 20 об.

³ *Jenkins R. Victorian Scandal. A Biography of the Right Hon. Gentleman Sir Charles Dilke.* New York, 1965. P. 120.

⁴ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1879 г. Д. 78. ЛЛ. 243 об.—244.

ем в политической истории Англии. Нельзя сказать, что до Гладстона английские политики не произносили речи перед огромной публикой, в частности, лорд Пальмерстон делал это неоднократно¹. Но ни один политический лидер до него не предпринимал таких беспрецедентных шагов в проведении избирательной кампании. Мидлотианская кампания дала «импульс» «новой политической моде произнесения программных речей», обращенных непосредственно к избирателям, а американский историк Т. Кросби считает, что Гладстон был первым из викторианских политиков, который последовательно использовал «насыщенный эффект» от манипулирования прессой². За две недели (24 ноября — 6 декабря) он выступил перед слушателями с двадцатью двумя большими речами, не считая многочисленных обращений во время коротких встреч и митингов. «Полные толпы на каждой станции», — записал он в своем дневнике. По собственным подсчетам Гладстона, за время поездки он выступил перед 86 930 англичанами³. Его выступления широко освещались на страницах печати, поэтому можно сказать, что он выступал не только перед избирателями Мидлотианского округа, но и перед всеми английскими избирателями. В декабре 1879 г. М. Бартоломей сообщил Н.К. Гирсу, что «избирательное турне м-ра Гладстона остается в настоящее время событием дня». Его красноречие, замечал он, «вызывает, конечно, сейчас наиболее живое впечатление»⁴. По этому поводу британский исследователь К. Хоппен замечает, что Гладстон, не связанный родством с вигами и «мало интересующийся партийной бюрократией», «зависел от слова». И если «Чемберлен пытался укрепить власть через организацию, то Гладстон благодаря речи»⁵.

Нельзя не согласиться с английским исследователем Д. Бруксом, считавшим, что было бы большой ошибкой рассматривать Мидлотианскую кампанию как «просто кульминацию агитационного периода, начатого Гладстоном в 1876 г.». По его мнению, посещение последним Мидлотианского избирательного округа являлось ответной реакцией

---

¹ *Patridge M.* Gladstone. L.; New York, 2003. P. 164.

² *Crosby T.* The Two Mr. Gladstone. A Story in Psychology and History. New Haven; L., 1997. P. 156; *Somervell D.Ch.* Disraeli and Gladstone, Aduo-Biographical Scetch. L., 1925. P. 219.

³ *The Gladstone Diaries.* The Gladstone Diaries with Cabinet Minutes and Prime-Ministerial Correspondence / Ed. by H. Matthew. Oxford, 1986. Vol. 9. P. 464, 466.

⁴ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1879 г. Д. 78. Л. 403. См. подробн. о кампании: *Jenkins R.* Gladstone, Whiggery and the Liberal Party, 1874-1886. Oxford, 1988. P.415-434.

⁵ *Hoppen K.T.* The Mid-Victorian Generation. 1846—1886. Oxford, 1998. P. 633.

на текущие события осени 1879 г., когда продолжавшаяся экономическая депрессия и усиливавшаяся неопределенность в международных делах (расхождения с Турцией по вопросу нахождения британского флота в ее водах, проблемы англо-афганской и англо-зулусской войн) способствовали тому, что страна готова была слушать политического деятеля, который ассоциировался «с миром и процветанием, особенно с процветанием средневикторианской эпохи», достигшего наивысшего размаха в годы его первого премьерства. В то же время историк полагал, что активность Гладстона стимулировалась той предвыборной атмосферой, которая начинала оказывать влияние если еще не на избирателей то уже на политиков. Д. Брукс замечал, что трудно было ожидать, что Гладстон останется в стороне, например, тогда, когда лидеры консерваторов заявляли о благополучном состоянии английских финансов или о появлении протекционистских настроений среди сторонников Манчестерской школы. «Начав кампанию, ему оказалось заведомо трудно остановиться», — заключил английский исследователь¹. Мидлотианская кампания резко подняла авторитет «Великого старца», что фактически определило его лидерство в партии. Это понимали все представители либерального руководства.

В предвыборной кампании приняли участие многие видные руководители либералов. П.А. Шувалов сообщал в Россию: «Оппозиция с силой и неустанной энергией ведет кампанию против правительства. ...Руководители либеральной партии посетили все районы страны, произнеся множество речей». Он указывал, что У. Харкорт, маркиз Хартингтон, Г. Дафф и другие «осыпали атаками кабинет министров»². В центре внимания либеральных лидеров была вся внешняя политика консерваторов. Так, в своих выступлениях У. Харкорт заявлял, что в ближневосточной политике правительство пыталось решить вопросы, руководствуясь неверными принципами. По его мнению, существовал выбор между проведением традиционного курса, выражавшегося в «неприкосновенности и независимости» Османской империи, и его отрицанием и принятием главной роли в осуществлении реорганизации этой страны, но правительство ничего не сделало и предпочло «бесполезные протесты и болтливые обструкции». Он находил оккупацию Кипра «практической шуткой Британской империи», которая не привела к успеху в деле возрождения Малой Азии. Восточная политика правительства, по его мнению, «везде потерпела неудачу»³. Затрагивая проблемы афганской войны, Харкорт в речи 19 января 1880 г. перед члена-

¹ *Brooks D. Gladstone and Midlothian: The Background to the First Campaign* // *Scottish Historical Review*. 1985. Vol. 64. № 1. P. 56.

² АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1879 г. Д. 79. ЛЛ. 290 об., 301.

³ *Seton-Watson R.W. Disraeli, Gladstone and the Eastern Question. A Study in Diplomacy and Party Politics*. L., 1962. P. 542.

ми Оксфордской либеральной ассоциации заявлял, что Англия ведет войну «наиболее изнурительную и невыгодную» против афганского народа, против горных племен, которые защищали свои дома¹.

Глава либеральной оппозиции — маркиз Хартингтон — также отошел от своей выжидательной тактики и принял активное участие в предвыборной кампании. Уже в начале декабря 1878 г. он начинает выступать с критикой правительственной политики в Афганистане, зная, что это найдет понимание среди рядовых членов либеральной оппозиции в парламенте и либералов-нонконформистов по всей стране. В 1879 г. его выступления становятся «определенно более радикальными и решительными». Возможно, такая активность маркиза Хартингтона объяснялась тем, что он понимал, что если либералы выиграют новые парламентские выборы, он может стать премьер-министром². Касаясь в своих выступлениях вопросов внешней и колониальной политики торийского кабинета, он критиковал балканский курс консерваторов как «аморальную политику, нуждающуюся в политической проницательности»³. Мнение Хартингтона разделял и герцог Аргайл, назвав правительственный курс «одинаково безнравственной и глупой доктриной»⁴.

Вопрос о лидерстве партии и правительства в случае победы на выборах стал одним из острых для либералов в конце 1879 — начале 1880 гг. В партии не было единства мнений по этому поводу. Так, часть вигов предпочитала, как сообщал М. Бартоломей, видеть лорда Гренвилля премьер-министром, а маркиза Хартингтона — канцлером Казначейства, тогда как «передовая часть партии и большинство в стране» хотели бы иметь последнего главой правительства⁵. Как отмечал биограф Гладстона Р. Дженкинс, Хартингтон обладал определенными амбициями, и быстрый старт в его политической карьере, сделавший его одним из либеральных лидеров, давал ему основания надеяться и на роль премьер-министра⁶. В это время у Хартингтона имелись достаточно сильные сторонники: в его поддержку выступало правое крыло партии, сохранявшее довольно стабильные позиции в стране. В начале 1880 г. «Эдинбург Ревью» опубликовал статью, посвященную концепциям вигизма. «Либералы представляли мнение большинства средних классов, так называемого “левого центра”, и не важно, как будет именоваться эта большая и значимая “срединная партия”, — вигами, умеренными либералами или либеральными консерваторами», — замечал автор статьи. Он утверждал, что большинство английского обще-

¹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1879 г. Д. 79. ЛЛ. 11—14 об.

² *Patridge M.* Op. cit. P. 164.

³ *Seton-Watson R.W.* Op. cit. P. 543—544.

⁴ *The Times.* 1879. 14 Nov.

⁵ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1879 г. Д. 78. Л. 407.

⁶ *Jenkins R.* Gladstone. P. 429—430.

ства состояло из людей, которые «уважали рассудительность в общении, чувство собственного достоинства в поведении и твердость в действиях...». Именно такой класс людей, которые являлись либералами без того, чтобы быть радикалами или демократами, «составляли действительный центр тяжести, на котором основывалась либеральная партия»¹. Именно такой «класс людей» оказывал поддержку лидеру вигов. В пользу маркиза Хартингтона выступали и некоторые радикалы и умеренные либералы, находя, что лидерство его и лорда Гренвилля более для них желательно, чем Гладстона. К их числу можно отнести Фаусетта, Дилка, Форстера, Рипона, Харкорта². Одних привлекала мысль о том, что в случае победы либералов Хартингтон и Гренвилль пригласят в правительство большее число радикально настроенных либералов, тогда как Гладстон отдаст предпочтение вигам. Других интересовала умеренная позиция вигов по международным и колониальным вопросам.

8 марта 1880 г. правительство Б. Дизраэли приняло решение о роспуске парламента и о досрочных выборах в конце этого месяца. Во многом такое решение было неожиданным для всей страны и для самих консерваторов. Еще 14 февраля 1880 г. на заседании кабинета тори его члены проголосовали против досрочных выборов³. Российский посол в Лондоне А.В. Лобанов отмечал в своих донесениях: «Мотивы, побудившие кабинет выбрать настоящий момент, объясняются довольно естественно ... Позиция, которую занимает сейчас партия консерваторов, представляется благоприятной; общая ситуация дел — спокойная, почти все внешнеполитические мероприятия правительства увенчались успехом ...»⁴. И сам Б. Дизраэли находил обстановку в стране достаточно выгодной для консерваторов. «Принимая во внимание, что военные операции как в Африке, так и в Азии подошли к своему триумфальному завершению, что парламента исключительно лоялен и патриотичен, а также поддержку правительства в его внешней политике большинством либеральных голосов ...»⁵, он считал победу тори на предстоящих выборах обеспеченной.

¹ *Edinburgh Review*. 1880. Vol. 151. P. 257—258.

² *Jenkins T.A.* Gladstone, the Whigs and the Leadership of the Liberal Party, 1879—1880 // *Historical Journal*. 1984. Vol. 27. № 2. P. 350; *Rossi J.P.* The Transformation of the British Liberal Party: A Study of the Tactics of the Liberal Opposition 1874—1880 // *Trans. of the American Philos. Soc. Philadelphia*, 1978. Vol. 68. P. 106.

³ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1880 г. Д. 106. Л. 53; *The Conservatives: A History from their Origins to 1965*. L., 1972. P. 194.

⁴ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1880 г. Д. 106. ЛЛ. 53—53 об.

⁵ *Disraeli B.* of Disraeli to Lady Beaconsfield and Lady Chesterfield / Ed. by M.Zetland. In L., 1929. Vol. 2. P. 257.

К парламентским выборам 1880 г. либеральная партия подошла, имея в своем арсенале программу, основные пункты которой сводились к реформе избирательного права, расширению функций местных органов власти и реформе земельного законодательства. Эти пункты программы поддерживались всеми фракциями либералов и создавали условия, «которые принимались всеми влиятельными секциями либеральной партии в качестве основы для их поддержки»¹. Как отмечал отечественный историк И.М. Узнародов, характерная тактика либералов заключалась в стремлении максимально использовать недовольство английских избирателей, вызванное депрессией. В агитационных целях широко применялись карикатуры, плакаты, листовки, в которых вся ответственность за тяжелое экономическое положение возлагалась на тори². Парламентские выборы 1880 г. отличались от предыдущих тем, что во время избирательной кампании, наряду с обсуждением внутренних проблем, вопросы внешней и колониальной политики Англии поднимались очень часто и довольно остро. Консерваторы построили свою агитацию, главным образом, на восхвалении внешнеполитических актов правительства, тогда как либералы, напротив, все свое внимание уделили их критике.

Представители всех фракций партии — виги, умеренные либералы, радикалы — действовали накануне выборов достаточно активно и сплоченно. В проведении успешной предвыборной кампании большое значение имели новая, вторая по счету, Мидлотианская поездка Гладстона в марте 1880 г. и его выступления перед избирателями. Однако нельзя не учитывать и той роли, которую сыграли в победе либералов и другие представители партии. Маркиз Хартингтон, лорд Гренвилль, У.Р. Адам (главный парламентский организатор либералов) проделали большую организационную работу по отбору кандидатов в парламент. Они использовали свои контакты с видными вигами, особенно из имущих слоев, с тем, чтобы пополнить партийную кассу необходимыми средствами для проведения избирательной кампании. В своем предвыборном манифесте Хартингтон критиковал торийский кабинет Дизраэли за то, что он «далек от достижения серьезных успехов» во внешней политике, относительно же внутривнутриполитических дел он, как отмечал А.В. Лобанов, «упрекал правительство в отсутствии программы...»³. В послании к избирателям из рабочего округа Ланкашира он заявлял, что «либеральная партия не будет отдавать предпочтение какому-либо классу» и постарается вести дела в интересах всего общества.

---

¹ *Edinburgh Review*. 1880. Vol. 151. P. 266.

² *Узнародов И.М.* Политические партии Великобритании и рабочие избиратели (50-е — начало 80-х годов XIX в.). Ростов н/Д., 1992. С. 160.

³ *АВПРИ*. Ф. 133. Оп. 470. 1880. Д. 106. ЛЛ. 55—55 об.

Он критиковал внешнюю политику консерваторов и пытался убедить рабочих, что либералы не меньшие патриоты, чем их политические противники¹. Хартингтон и Гренвилль обещали англичанам стабильность после яркого, но беспокойного периода правления консерваторов. Историк Дж. Росси полагал, что Гладстон задал выборам тон своей второй Мидлотианской кампанией, тогда как Гренвилль, Хартингтон и другие лидеры партии внесли огромный вклад в практическое достижение победы либералов на них².

Парламентские выборы принесли победу либеральной партии — она получила 351 место, консерваторы — 239 и ирландские националисты — 62. Либералы встали перед необходимостью формирования правительства и выбора его главы. Авторитет У. Гладстона в начале 1880 г. был настолько велик, что не включить его в состав нового либерального кабинета было просто невозможно. А.В. Лобанов замечал по этому поводу: «Позиция м-ра Гладстона в качестве руководителя оппозиции, которая скинула кабинет Биконсфилда (пэрский титул Б. Дизраэли — Т.Г.), слишком неоспоримо признана либералами всех оттенков, чтобы было возможно иметь с ним расхождения или даже предложить ему второстепенное место в новой администрации»³. «Таймс» фактически выражала общественное мнение, когда писала о том, что именно Гладстон должен занять один из важнейших постов в правительстве, возглавляемом Хартингтоном⁴. Авторитет последнего также был велик. В самой партии в пользу премьерства Хартингтона склонялись многие умеренные либералы и даже радикалы, кто по политическим, а кто и по личным мотивам. Так, Дж. Чемберлен делал ставку на лидера вигов, поскольку, как он говорил Дж. Морли, если во главе правительства встанет Гладстон, для многих радикалов настанут трудные времена. Фигура Хартингтона в роли главы кабинета привлекала и У. Харкорта, вига, не чуждого радикальной фразеологии. Он рассчитывал, по мнению Ч. Дилка, занять одно из ведущих постов под его началом, тогда как в кабинете Гладстона ему была бы отведена второстепенная роль⁵.

21 апреля 1880 г. королева Виктория предложила маркизу Хартингтону сформировать правительство либералов. Последний не согласился, сославшись на то, что такое предложение должно было быть сделано У. Гладстону. В течение двух последующих дней велись пере-

¹ *Узнародов И.М.* Указ. соч. С. 159.

² *Rossi J.P.* Op. cit. P. 121.

³ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1880 г. Д. 106, Л. 81 об.

⁴ *The Times.* 1880. 12 Apr.

⁵ *Morley J. Recollections.* L., 1924. Vol. 1. P. 165—166; *Gwynn St., Tuckwell G.M. The Life of Sir Ch. Dilke.* L., 1917. Vol. 1. P. 300.

говоры между королевой, Хартингтоном, Гренвиллем и Гладстоном о назначении главы правительства. И только 23 апреля королева Виктория предложила последнему сформировать новый кабинет министров¹. Таким образом, не будучи официальным лидером победившей на выборах партии, У. Гладстон стал главой либерального правительства.

В 60—70-х гг. XIX в. британская либеральная партия переживала период организационного и идейного оформления. Борьба фракций становилась неотъемлемой чертой ее существования. И только внешнеполитическая деятельность консерваторов во главе с Б. Дизраэли явилась той цементирующей основой, которая сплотила различные течения среди либералов в единое организационное целое, что позволило им выиграть парламентские выборы 1880 г.

Парламентские выборы 1880 г. отмечены в истории британского парламентаризма новыми подходами в реализации партийной стратегии. Обращение к массовому избирателю становится неотъемлемой чертой парламентских избирательных кампаний последующих лет.

---

¹ The Gladstone Diaries. Vol. 9. P. 504—505, 596; Victoria. The Letters of Queen Victoria. L., 1928. Ser. 2. Vol. 3. P. 80—85.

СТЕПАНОВА В.В.

Консервативная партия и формирование трудового законодательства Великобритании в конце XIX — начале XX вв.

СТЕПАНОВА ВАЛЕРИЯ ВЛАДИМИРОВНА,
аспирант кафедры всеобщей истории и регионоведения
Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева
(Орел, Россия);
e-mail: stepanovaleria@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается опыт правового регулирования социально-трудовых отношений Великобритании в конце XIX—XX вв. Анализируется вклад английской консервативной партии в основы трудового законодательства. Освещается межпартийная борьба по вопросам регулирования трудовых отношений.

Ключевые слова: Консервативная партия Великобритании, трудовое законодательство, социальное законодательство, консерватизм.

**Консервативная партия и формирование
трудового законодательства Великобритании
в конце XIX — начале XX вв.**

Основы для развития современного британского социального законодательства были заложены на рубеже XIX—XX вв. В этот период в стране на первый план выходят не политические и экономические, а социальные проблемы. Консервативная партия столкнулась с необходимостью выработки ответов на ключевые вопросы социальной защиты населения и собственной линии поведения с рабочим классом, усилившим к этому времени свои позиции. Эту мысль четко и ясно выразил главный редактор газеты «The Observer» Джеймс Гарвин: «...без большой социальной программы Консервативная партия не будет процветать»¹. Среди основных социальных сфер консерваторы выделяли систему образования, социального страхования и охраны труда.

Особенности собственного промышленного развития страны вынуждали выработать механизм правового регулирования трудовых отношений.

---

¹ J.L. Garvin to Lord Northcliffe, 4 August 1909 // The Real Lord Northcliffe. Some Personal Recollections of a Private Secretary 1902—1922. L.; New York; Toronto, 1922.

Общеизвестно, что в советской историографии и правоведении трудовое законодательство разделялось на две части: фабричное законодательство и рабочее законодательство. Такое разделение правомерно, поскольку в Великобритании до сих пор трудовое законодательство состоит из множества актов, большую часть которых можно отнести к группам фабричных и трудовых законов. Однако, рассматривая данный вопрос с позиции современной правовой науки, вопросы, регулирующие действиями фабричного и рабочего законодательств¹, в настоящий момент объединяются в более широкое понятие «трудовое законодательство». Консервативная партия предлагала законопроекты, которые как раз и относились к двум частям законодательства.

В конце XIX в. парламент предпринимал отдельные попытки регулирования противоречий в трудовой сфере путем принятия некоторых законов, носивших ограниченный характер (например, законы «о вознаграждении» (1875 и 1880 гг.), закон «о защите рабочих от травм» (1895 г.), «о здоровье населения» (1890 г.), обсуждения «Билля о компенсации за несчастные случаи»). Однако, работодатели выражали несогласие с необходимостью увеличивать собственные расходы на страхование рабочих, выплат компенсаций и пособий по безработице. В сложившейся ситуации консервативная партия вынуждена была определиться с собственной позицией относительно социального реформизма и разработать программу реформ в трудовой сфере.

Обсуждение всех вопросов, касавшихся регулирования трудовых отношений проходило в рамках жестких партийных дискуссий. Наиболее спорными были обсуждения, например, «Билля об условиях труда на фабриках и мастерских», проекта о компенсациях за несчастные случаи 1897 г., а также вопросов о восьмичасовом рабочем дне и последствиях тафф-вельского дела².

Условно законы по охране труда можно разделить на две большие группы: акты, ограничивающие детский труд, и законы о компенсациях.

Ограничение использования детского труда в Великобритании начинается довольно рано. Уже в 1802 г. и 1819 г. были приняты пер-

---

¹ Регулирование работы в отношении времени и продолжительности ее в течение суток, в особенности работы несовершеннолетних и женщин; предупреждение и устранение вредных для здоровья и нравственности рабочих условий работы; ограждение рабочих от несчастных случаев и обеспечение, временно или навсегда, потерявших трудоспособность; регулирование отношения работодателей к рабочим; предоставление права на создание рабочих союзов и проведение страхования от безработицы.

² *Гелла Т.Н.* Позиция английских либерал-империалистов по рабочему вопросу (конец XIX — начало XX века) // Проблемы Британской истории. 1987. С. 162.

вые фабричные законы для регулирования рабочего времени детей на хлопчатобумажных фабриках до 12 часов в день. Королевская комиссия рекомендовала в 1833 г. ограничить работу детей в возрасте 11—18 лет до 12 часов в день, детей в возрасте 9—11 — не более восьми часов, а детям в возрасте девяти лет больше не было разрешено вообще работать. Однако, эти рекомендации распространялись только на текстильную промышленность. Дети же были заняты во многих областях экономики. Например, в возрасте от четырех лет их привлекали к работам в угольных шахтах. Работало подрастающее поколение и в качестве посыльных, чистильщиков обуви, продавцов спичек, цветов и других дешевых товаров. Множество из них работало подмастерьями, домашней прислугой. Часы работы во всех этих сферах не регламентировались и могли достигать летом до 64 часов в неделю и 52-х — зимой (в качестве домашней прислуги работали 80 часов в неделю)¹.

В марте 1890 г. премьер-министр Солсбери и сэр Джон Горст приняли участие в международной конференции по проблемам труда, проходившей в Берлине². Итоги ее работы были отражены в резолюции, четко прописавшей, что на фабриках не должна допускаться работа детей младше 12 лет³. Парламент поддержал принятое решение, однако в «Билле об условиях труда на фабриках и мастерских» (1891 г.), который консерваторы вынесли на обсуждение в парламент, в одном из пунктов возрастной ценз был снижен до 10 лет. Данное предложение вызвало длительную полемику в парламенте. Оппозиция, например, указывала на несоответствие постулатов закона с подписанными годом ранее на конференции обязательствами. Консервативное правительство, напротив, оправдывало себя тем, что они «только взяли обязательства принимать во внимание резолюцию, принятую в Берлине»⁴. Примечательно, что газета «The Spectator», ранее делавшая репортаж об открытии берлинской конференции и акцентирующая внимание на новых подходах к организации процесса труда, теперь высказывала противоположенную позицию, совпадавшую с позицией кабинета⁵. Тем не менее, консерваторы пошли на уступки и в окончательной редакции закона было зафиксировано, что возрастной ценз для работы неполный рабочей день определен с 11 лет, а 14 лет — на полный рабочий день.

---

¹ Daniels B. Poverty and Families in the Victorian Era [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://www.hiddenlives.org.uk/articles/poverty.html>

² Hunter A. A life of Sir John Eldon Gorst. L., 2013. P. 199.

³ International conference on labour. L., 1905. P. 4.

⁴ HPD, HC. 18.06. 1891. Vol. 354. Col. 816.

⁵ The Spectator. 1890. 22 March.

Другой вопрос из области охраны труда касался принятия закона о компенсации за несчастные случаи. Необходимость решения вопроса о выплате компенсаций была очевидна всем: в начале 1890-х гг. либералы пытались поставить его на повестку дня, затем эту линию продолжили консерваторы. При премьер-министре Солсбери начала работать парламентская комиссия по труду (1891—1895 гг.). Результатом ее работы стало издание закона 1895 г., в котором сформулированы специальные правила о так называемых «наемных фабриках»¹, а также правила о защите рабочих от несчастных случаев. Законодательная инициатива надзора предусматривала осуществление и инспекции в доках, вервях, пристанях, а также на любых площадках, где хотя бы временно использовались машины или сложные сборные конструкции для строительства и связанных с ним работ. Кроме того, закон 1895 г. и дополнивший его акт 1901 г. прописывал требования к разумной температуре в рабочих помещениях, соблюдения санитарных норм, оповещениях и компенсациях в случае выброса ядовитых веществ.

В 1897 г. Дж. Чемберлен предложил Палате общин свой вариант законопроекта о выплатах. При его разработке он принимал во внимание не степень ответственности предпринимателей перед законом, а возможность использования рабочими права на компенсацию в случае наступления всех видов несчастных случаев во время работы. К сожалению, конечный вариант законопроекта оказался ограниченным и распространялся не на все категории рабочих. Его юрисдикция не распространялась на рабочих таких профессий, как матросы торгового флота, сельскохозяйственные рабочие и строители, работа которых заключала в себе не меньшую опасность для жизни.

Обсуждения «Билля о компенсации за несчастные случаи» в 1897 г. проходило в условиях жесткой межпартийной дискуссии, в которой наиболее ярко проявилась позиция либеральной оппозиции в отношении рабочего законодательства². Вопрос о принятии закона о компенсации за несчастные случаи поднимался либералами еще в начале 1890-х гг. Хотя в 1875 и 1880 гг. были приняты так называемые «законы о вознаграждении», однако они не полностью удовлетворяли рабочих. Причина — в их ограниченном характере³.

---

¹ Tenement factories. См. подробн.: *Вяселев Р.Р.* Основные этапы развития фабричного законодательства Англии XIX века // Государственный советник. 2013. № 2. С. 23—29.

² *Гелла Т.Н.* Указ. соч. С. 163.

³ Акты 1875 г. вводили ответственность работодателя за травмы, полученные из-за ненадлежащего санитарного состояния рабочего места. Акт 1880 г. касался только компенсаций за травмы, полученные в результате халатности другого работника.

Либералы поддержали «Закон о компенсации за несчастные случаи» 1897 г., но во время дебатов в парламенте стремились путем внесения поправок расширить его. Среди критиков законопроекта наибольшую активность проявляли либерал-империалисты Г. Асквит и Р. Холден. Например, по мнению Г. Асквита проект Дж. Чемберлена, не вводивший ответственности предпринимателей за несчастные случаи, которых можно было избежать путем усовершенствования конструкций предприятий и самого процесса производства, не отражал интересов рабочих. Касаясь слабых сторон законопроекта, либералы указывали на его ограниченность, поскольку он охватывал только рабочих нескольких отраслей производства, а не рабочих всех категорий¹.

В 1890 г. был принят очередной охранительный закон — о здоровье населения. Его основные пункты касались санитарно-эпидемиологических норм и были призваны, главным образом, оградить рабочих от производственных травм. Обсуждения этих законов в парламенте не вызывали бурных споров. И либералы, и консерваторы в условиях дефицита бюджета принимали, в основном, законы, носившие рекомендательный характер и не затрагивающие напрямую болезненной для работодателей темы материальных выплат.

Начавшаяся в 1900 г. экономическая рецессия, выдвинула на первый план проблему безработицы. Вопрос о занятости населения был одним из самых актуальных. Программа консерваторов была адресована безработным и рабочим тех отраслей промышленности, которые испытывали спад производства после англо-бурской войны 1899—1902 гг.: железо- и угледобывающей промышленности, текстильной.

Дж. Чемберлен, выступая 7 июля 1905 г. в Альберт Холле, сформулировал наиболее прогрессивное понимание сущности проблемы безработицы: «вопрос трудоустройства лежит в основе всех социальных реформ нашего времени»². Артур Бальфур, напротив, давал более сдержанные комментарии и обещания: «Несомненно, будут делать великие дела для безработных <...> Но я не говорю, что реформа полностью решит проблему безработицы»³. Осторожная позиция официального лица партии была связана с некоторой двойственностью в понимании сущности проблемы безработицы. Он признавал взаимосвязь «экономические проблемы — рост безработицы» и одновременно, по утверждению историка, экономиста, современника того периода В. Дж. Эшли, главной причиной безработицы считал «... колебания, носящие циклический и сезонный характер. Это результат нашей экономи-

---

¹ Гелла Т.Н. Указ. соч. С. 163—164.

² J. Chamberlain at the Albert Hall, 7 July 1905. Цит. по: *Dowding W.E. The Tariff Reform Mirage. L., 1913. P. 255.*

³ Balfour at Stockport. 1909. 8 Nov. // *The Times. 1909. 9 Nov.*

ческой системы»¹.

Консерваторы, находясь у власти в 1902—1906 гг., предпринимали конкретные шаги в решении проблем в трудовой сфере. В 1905 г. администрация Артура Бальфура, например, лоббировала «Акт о безработных трудящихся», заложивший основу субсидирования центральными властями временных общественных работ, организуемых местными органами власти. Его принятие — свидетельство растущей значимости этого вопроса в обществе, хотя по факту он оказался нерабочим из-за многочисленных ограничений.

Особое место в политике урегулирования трудового права занимал вопрос о неквалифицированных и низкооплачиваемых рабочих. О нем заговорили еще в середине 1880-х гг., но, несмотря на ряд улучшений в положении подобных рабочих в текстильной промышленности, в других отраслях его обсуждение было отложено фактически до 1906 г.

В советской историографии из-за отсутствия конкретных решений в отношении подобной группы рабочих и одновременно выработанной жесткой политики по забастовочному движению, был сформирован образ консерваторов, как антирабочей, реакционной силы, которая не хотела идти на уступки рабочим². В современных отечественных исследованиях (в работах О. Науменкова и Е. Зилькарнаевой³) консервативная политика в отношении рабочих, напротив, рассматривается как этап развития социальной политики партии в целом.

Таким образом, и Солсбери, и Бальфур были приверженцами «консервативного патернализма» — социальной теории британского консерватизма конца XIX — начала XX вв. Вслед за одним из основных теоретиков патернализма У. Лекки, они признавали наличие социальных проблем в обществе и необходимость их решения, однако крайне отрицательно оценивали практику государственного вмешательства в данную сферу. Поэтому принятые их правительствами в начале XX в. решения по трудовому законодательству, имели вынужденный и ограниченный характер.

---

¹ Ashley W.J. Social Legislation. Oxford, 1909. P. 7.

² Рабочее движение Великобритании / Ерофеев Н.А., Рожков Б.А., Н.В. Емельянова и др.; отв. ред. Б.А. Рожков. М., 1979. С. 160—169.

³ Науменков О.А. Роберт Солсбери и его время: Викторианская Англия в лицах. СПб., 2004; Зилькарнаева Е.З. Вопросы трудового законодательства консервативного правительства Солсбери (1886—1892 гг.) // Modern History: Партийно-политическая, духовная история и общественное движение в странах Запада и Востока: Материалы ежегодной научной сессии кафедры новой и новейшей истории БашГУ. Уфа, 2003. С. 96—101.

БУГАШЕВ С.И.

Быть или не быть? Реформирование Палаты лордов в XX — начале XXI вв.

БУГАШЕВ СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ,

доктор исторических наук,
профессор кафедры общественных наук
Санкт-Петербургского государственного университета
промышленных технологий и дизайна
(Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: spgutdfs@mail.ru

Аннотация: Особую актуальность в минувшее столетие приобрела проблема реформирования одного из важнейших государственных институтов Великобритании — Палаты лордов. Принятием «Парламентского акта 1911 года» был дан старт процессу постепенного реформирования верхней Палаты, что, безусловно, является одной из самых громких конституционно-политических перемен в истории Соединенного Королевства XX века. Вместе с тем модернизация проходила медленно, в традиционном стиле британского политического консерватизма. Несмотря на раздирающие Великобританию споры и сомнения, похоже, что праотец европейских парламентов все же утратит в XXI века свой традиционный облик.

Ключевые слова: Великобритания, парламент, Палата лордов.

**Быть или не быть? Реформирование Палаты лордов
в XX — начале XXI вв.**

Британский парламент — старейший в Европе, он существует с 1265 года. На протяжении большей части XX и начала XXI вв. вопрос о необходимости модернизации британского парламентского механизма занимал одно из центральных мест в политической повестке дня, и являлся предметом острой межпартийной борьбы. Особую актуальность в минувшее столетие приобрела проблема реформирования одного из важнейших государственных институтов Великобритании — Палаты лордов. Аристократические обычаи формирования ее состава, а также осуществление пэрами как законотворческих, так и судебных полномочий, вступали в явное противоречие с принципами развитой демократии, реалиями индустриальной и постиндустриальной эпох.

Точное время образования Палаты лордов в английской правовой литературе не указывается. Известно лишь, что с XI века при короле созывались советы в качестве вспомогательного органа. Первоначально эти советы включали наиболее влиятельных баронов английс-

кого королевства и представителей церкви. В течение XIII века король стал приглашать в этот орган и некоторых буржуа и дворян. В XIV веке бароны и представители церкви стали собираться отдельно от дворян и буржуа, образовав, таким образом, две Палаты парламента — Палату общин и Палату лордов. Формально Палаты были равноправны, но быстро утвердилось правило, вводившее в обязанность Палаты общин устанавливать налоговые поступления в государственную казну. Несмотря на это, Палата лордов оставалась могущественной частью парламента. Она отсутствовала только во время Английской революции, когда была упразднена (1649—1660). С 1399 года Палате лордов принадлежали функции высшей судебной инстанции королевства. С 1876 г. судебные функции выполнялись апелляционным комитетом палаты, состоящим из 12 лордов-судей, — пожизненных пэров с юридическим опытом.

Избирательные реформы 1832 года, 1867 года и начала XX века постепенно укрепили реальную власть Палаты общин. Преимущественно консервативная Палата лордов постоянно противопоставляла себя выборной нижней Палате. В начале XX века утрата Великобританией мирового промышленного превосходства, а также снижение экономического и финансового потенциала старой земельной аристократии требовали определенной корректировки традиционного конституционного механизма. Особенно активно в этот период времени критиковал пэров валлийский радикал Д. Ллойд Джордж. В своих речах он неоднократно подчеркивал, что именно верхняя палата, последовательно отвергая один за другим правительственные билли, не позволяла правящей либеральной партии выполнить свои обещания данные избирателям¹. Когда в 1909 г. Палата лордов заблокировала государственный бюджет, правительство либералов провело через парламент закон, ограничивающий полномочия верхней Палаты. «Парламентский акт 1911 года» давал право Палате общин принимать бюджет и другие законы, касающиеся «денежных счетов» государства, без одобрения Палаты лордов. Кроме того, депутаты получили право проводить без согласия лордов любой другой закон, если он будет представлен на трех сессиях нижней Палаты подряд, с интервалом в два года между вторым чтением первой сессии и окончательным принятием закона в палате общин. Лорды тем самым лишились права блокировать законопроекты, которым они часто пользовались в XIX веке, однако в их руках еще остался не менее важный рычаг влияния на Палату общин — двухгодичное отлагательное, или, как его еще принято называть, суспензивное вето (*suspensive veto*).

---

¹ См.: *Morgan K. O. The Age of Lloyd George. The Liberal Party and the British Politics.* London, 1971; *Du-Parcq of H. Life David Lloyd George.* London, 1912; *Lloyd George D. Better Time.* London, 1911.

Принятием «Парламентского акта 1911 года» был дан старт процессу постепенного реформирования верхней Палаты, что, безусловно, является одной из самых громких конституционно-политических перемен в истории Соединенного Королевства XX века. Вместе с тем, модернизация проходила медленно, в традиционном стиле британского политического консерватизма. В 1949 г. был принят «Акт о парламенте», еще более ограничивающий полномочия Палаты лордов. «Парламентский акт 1949 года» уменьшил требуемое для прохождения закона количество парламентских сессий с трех до двух, и сократил интервал между вторым чтением первой сессии и окончательным принятием закона с двух лет до одного года. Дальнейшие изменения проходили в русле все большей демократизации верхней палаты. В 1958 г. был принят «Акт о пожизненном пэрстве», который впервые за всю историю страны разрешал пожизненным пэрам, которых монарх назначал по представлению британского премьер-министра, заседать в Палате лордов наряду с наследственными пэрами. Ранее лорды сами решали, кто из пожизненных пэров может заседать в Палате. Кроме того, с 1958 г. в Палате лордов могли заседать женщины, получившие пожизненное пэрство. В 1963 г. «Акт о пэрстве» не только разрешил уже наследственным пэрам-женщинам заседать в палате, но дал право наследственным пэрам временно отказываться от своего звания для того, чтобы баллотироваться на выборах в Палату общин от той или иной политической партии. Однако отказавшийся не лишался титула пэра: как и раньше, титул переходил к его потомкам, которые могли воспользоваться им по своему усмотрению.

За последовавшие тридцать лет выдвигалось множество предложений по дальнейшему реформированию Палаты лордов, однако ни одно из них так и не обрело форму закона. Вместе с тем, за прошедший период количество членов палаты значительно возросло благодаря притоку пожизненных пэров. В 1981—1982 гг. их число составило 1134 человек, что значительно превышало число депутатов Палаты общин. Несмотря на все реформы, политический состав Палаты лордов оставался крайне консервативным. В подавляющем большинстве лорды пренебрегали своими служебными обязанностями и не являлись на заседания Палаты. В то же время, полезное устройство Палаты лордов состояло в том, что большинство ее членов были независимы. Лордам не нужно было беспокоиться о том, что они могут принять непопулярное решение. Почти половину палаты лордов составляли отнюдь не аристократы, а ушедшие в отставку или на пенсию опытные политические деятели, много лет простоявшие у руля государственного корабля. Среди них бывшие премьеры и министры, лидеры политических партий. Кстати, баронесса Тэтчер до конца жизни также заседала в верхней палате. Многие политологи полагают, что палата лордов слу-

жит «разумным фильтром» для поспешных решений правительства. Обладая правом отлагательного вето, лорды дают возможность палате общин и правительству в течение года еще раз обдумать свои решения. Британцам до сих пор приходится делать очень непростой выбор...

Ситуация кардинально изменилась в 1997 году. Триумфальная победа лейбористской партии на всеобщих парламентских выборах означала не просто отстранение от власти консерваторов, но и начало нового этапа в развитии страны. В предвыборной программе лейбористов четко говорилось: «Палата лордов должна быть реформирована»¹. Лейбористы считали, что они получили мандат от избирателей на проведение широких конституционных реформ. Одним из центральных пунктов планировавшихся преобразований была модернизация Палаты лордов, которую новое правительство во главе с Тони Блэром намеревалось провести в два этапа². На первом — герцоги, маркизы и виконты будут лишены парламентских мест, на втором — члены Палаты лордов должны будут избираться всеобщим голосованием. Впрочем, второй этап из-за своей «чрезмерной революционности» был отнесен на неопределенное будущее.

В 1999 г. лейбористы провели закон, получивший название «Акта Палаты лордов»³. Британский парламент принял историческое решение. 750 пэров, чьи отцы, деды и прапрапрадеды на протяжении восьми веков творили историю Британской империи, были выдворены раз и навсегда за пределы Вестминстера. Это открывало путь к беспрецедентной реформе всей структуры британской законодательной власти. Заканчивала свое существование одна из самых старых и знаменитых традиций Англии. В порядке исключения в Палате оставили «доживать» лишь 92 наследственных пэра. Тогда же в 1999 году была создана Королевская комиссия по реформе Палаты лордов. Итоги обсуждения были объединены в «Белую книгу», которая была представлена на рассмотрение Палаты общин в 2007 году.

В марте 2007 г. депутаты Палаты общин проголосовали за выборный принцип формирования Палаты лордов и окончательное исключение оставшихся в ее составе после реформы 1999 года наследственных пэров. Коммонеры решили, что «пэров» отныне не будет. Вместо них появятся так называемые «члены верхней палаты». По английским кри-

---

¹ New Labour Because Britain Deserves Better. 1997 Labour Party Manifesto. London, 1997. P. 32.

² Ковалев И.Г. Проблема реформы Палаты лордов в политической жизни Великобритании 1980—2000-х годов // *Общественные науки и современность*. 2012. № 3. С. 139.

³ Great Britain. The Parliamentary Debates. Fifth Series. London, 1999. Vol. 337. Col. 1306.

териям, это революция. Или, во всяком случае, самая серьезная политическая реформа последнего времени. Сделав важный, а, по оценкам некоторых наблюдателей, прямо таки «исторический» шаг в деле реформирования Палаты лордов, депутаты должны были решить еще множество не менее важных вопросов. Прежде всего, следовало установить способ избрания в палату, будет ли палата обновляться по частям или сразу, определить количество мест и срок, на который лорды будут избираться.

Наконец, было необходимо, чтобы свой собственный «смертный приговор» подписали и сами члены Палаты лордов. Однако пэры проголосовали за сохранение полностью назначаемого состава палаты, и, следуя праву отлагательного вето, затормозили билль. Впрочем, британским политикам, кажется, к этому не привыкать — реформа Палаты лордов началась почти сто лет назад, и движется пусть медленно, но верно. До недавнего времени лорды могли утешиться еще и тем, что выполняли функцию высшей судебной инстанции по некоторым видам дел, но в 2009 г. правительство лейбористов отняло у них и эту привилегию. В 2009 году функция высшего судебного органа Соединенного Королевства перешла от Палаты лордов к верховному суду лордов-судей. Это было расценено как одна из самых значимых реформ государственного устройства, проведенных лейбористским правительством.

Надежда на возобновление процесса реформирования одного из старейших государственных институтов Соединенного Королевства возродилась после формирования в мае 2010 г. коалиционного правительства Дэвида Кэмерона. Спустя год после прихода к власти кабинету Кэмерона удалось подготовить законопроект о реформе Палаты лордов, который был представлен общественности 17 мая 2011 г. Основные пункты этого документа следующие: общая численность новой Палаты лордов будет сокращена до 300 человек, 80 % из которых будут избираться, а оставшиеся 20 % — назначаться монархом из числа экспертов в разных областях знаний; новые члены будут избираться поэтапно, начиная с 2015 г. каждые пять лет будет избираться треть состава Палаты. Срок полномочий избранных членов — 15 лет, без права повторного переизбрания; выборы будут проводиться по пропорциональной избирательной системе в многомандатных округах, сформированных на основе административно-территориального деления страны; выборы новых членов Палаты лордов будут проводиться в те же сроки, что и всеобщие парламентские выборы; пэские титулы останутся знаком почести и утратят непосредственную связь с членством в верхней палате парламента; численность духовных лордов будет сокращена с 26 до 12 человек¹.

---

¹ House of Lords Reform Draft Bill. London, 2011. P. 7—9.

Однако в июле 2012 г. кабинет Д. Кэмерона был вынужден отказаться от попытки добиться одобрения в парламенте законопроекта о реформе Палаты лордов. Задний ход ему пришлось давать потому, что более 90 депутатов от консервативной партии подняли «бунт», пригрозив проголосовать против билля. Это означало бы, что тори нанесут поражение своему руководителю. Реформа была ключевым моментом в сделке между либерал-демократами и консерваторами. Либерал-демократы и их лидер Ник Клегг считают лордов откровенным анахронизмом. Они отвергают нынешний принцип формирования верхней палаты как недемократичный. Однако «мятежники» в консервативной партии с таким подходом были категорически не согласны. Они полагали, что избираемые лорды не будут обладать необходимыми знаниями и станут играть по правилам, которые диктует выдвинувшая их политическая партия. На сегодняшний день по уходящей в XIV столетие традиции в верхней палате заседают 821 лорд. Несмотря на раздражающие Великобританию споры и сомнения, похоже, что праотец европейских парламентов все же утратит в XXI века свой традиционный облик. Время покажет, сможет ли Палата лордов реально трансформироваться в демократический, представительный и эффективный элемент британского парламентского механизма.

ПОРТНЯГИН Д.И.

Дискуссии в британском парламенте во второй половине 1945 г. о состоянии и перспективах англо-американских отношений

ПОРТНЯГИН ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ,

кандидат исторических наук,
доцент кафедры европейских исследований
факультета международных отношений
Санкт-Петербургского государственного университета
(Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: d.portnyagin@spbu.ru

Аннотация: В статье анализируются дискуссии в Палате общин британского парламента во второй половине 1945 г. по проблеме англо-американских отношений с целью выявления позиций ведущих политических партий страны по данному вопросу. Решение этой задачи помогает ответить на более общий вопрос о видении британской политической элитой послевоенного мирового порядка. Изучение выступлений парламентариев от лейбористской, консервативной и либеральной партий показывает, что подавляющая их часть видела внешнюю политику Великобритании в новых исторических условиях исключительно в контексте тесного союза с США.

Ключевые слова: Внешняя политика Великобритании, англо-американские отношения, К. Эттли, Э. Бевин, британский парламент.

**Дискуссии в британском парламенте
во второй половине 1945 г.
о состоянии и перспективах англо-американских отношений**

Важность рассматриваемого временного промежутка для развития англо-американских отношений после Второй мировой войны определяется рядом обстоятельств. После смерти 12 апреля 1945 г. президента США Франклина Рузвельта и проведения 5 июля того же года всеобщих парламентских выборов в Великобритании, сменились не только политические лидеры двух стран: во главе Америки встал Гарри Трумэн, а британским премьер-министром оказался лидер лейбористской партии Клемент Эттли. Смена главных действующих лиц в англосаксонских странах повлекла за собой и заметное смещение акцентов во взаимодействиях в рамках Большой тройки в сторону совместного американо-британского противостояния СССР. Можно лишь строить предположения о возможной послевоенной политике Ф. Рузвельта в отношении СССР, но есть достаточно оснований полагать, что она значи-

тельно отличалась бы от курса Г. Трумэна. В мае 1945 г. Москву в качестве специального посланника Г. Трумэна прибыл Гарри Гопкинс, один из ведущих членов рузвельтовской администрации, отвечавший в годы Второй мировой войны за отношения с СССР. В ходе этого визита обсуждались вопросы, связанные с реализацией решений Ялтинской конференции, и, видимо, по инерции Г. Гопкинс мог позволить себе еще высказывания в том духе, что США не имеют непосредственных конфликтов интересов с СССР¹. Не удивительно, что в июле 1945 г. Г. Гопкинс вышел в отставку и в Потсдамской конференции участия уже не принимал.

В британской историографии широко распространено мнение, что период 1945—1947 гг. — это время, когда Великобритания искала свое место в послевоенном мире, пытаясь, по крайней мере, на словах, то быть своеобразным мостом между СССР и США, то лидером «третьей силы», включающей в себя, помимо метрополии, ее колонии, Британское Содружество и Западную Европу. Джон Каллаген, например, в своей монографии отмечает, что ни США, ни СССР не имели оснований с идеологической и геополитической точек зрения с симпатией относиться к интересам Великобритании, которая по-прежнему склонна была себя рассматривать мировой державой². С нашей точки зрения, никакой реальной альтернативы всемерному сближению с США у Великобритании не было и не рассматривалось ни кадровыми работниками Форин офис, ни руководством лейбористов, не говоря уже о лидерах консервативной и либеральной партий.

На словах в первые послевоенные годы представители британского политического истеблишмента любили подчеркивать огромную роль СССР в победе в войне. Э. Бевин в ходе дебатов по королевскому посланию в августе 1945 г. заметил: «Победы Красной Армии явились выдающимся фактором в освобождении Европы от нацистской тирании»³. Еще более красноречиво высказался У. Черчилль во время дебатов в Палате общин 7 ноября 1945 г. об Иосифе Виссарионовиче Сталине и его роли в руководстве СССР. В этот день обсуждалась так называемая «декларация Трумэна», известная еще как «12 пунктов Трумэна». Под этими названиями подразумевалась речь американского президента по случаю дня военно-морского флота США 27 октября 1945 г., в которой излагались фундаментальные принципы американской внешней политики, к числу которых относились: отказ от попыток

---

¹ *Gelb L.H.* Anglo-American relations 1945—1949. Toward a theory of alliances. London, 1988. P. 54.

² *Callaghan J.* The Labour Party and Foreign Policy. A history. London, 2007. P. 162.

³ HCD. 1945. 20 August. Vol. 413. Col. 300.

территориальных приобретений и агрессии против кого-либо, восстановление суверенных прав и самоуправления всех народов, помощь в установлении демократических правительств в побежденных странах, отказ от признания навязанных силой правительств другим странам, полное экономическое сотрудничество всех стран, что являлось важным условием повышения жизненного уровня во всем мире. Особое внимание в выступлении уделялось проблеме ядерного оружия, и президент США сообщил, что делиться секретами атомного проекта американцы ни с кем не собираются, в том числе и с ближайшими союзниками, и под контроль ООН никакие ядерные арсеналы передавать не собираются¹.

Анализируя речь американского президента и сложившуюся с окончанием войны международную ситуацию, У. Черчилль отдавал должное мужеству советского народа, говорил о чувстве товарищества между британским и советским людьми. О И.В. Сталине У. Черчилль выразился следующим образом: «Лично я не могу не испытывать самого живого восхищения этим действительно великим человеком, отцом своей страны, правителем, определяющим ее судьбу в мирные времена и являющимся победоносным защитником ее жизни в военные годы»². Однако далее последовал пассаж о ситуации неопределенности и опасений относительно возможности новой войны, которые столь напоминали У. Черчиллю конец 1930-х г.: «но, у нас есть также надежда, что она не повторится. Эта надежда связана с силой и решительностью США играть ведущую роль в мировых делах. Это могучее государство и нация, которое предлагает силу и жертвы ради того, чтобы вывести человечество из мрачной долины, через которую мы следуем. Я уверен, мы должны сейчас четко дать понять США, что мы будем двигаться на их стороне в деле, которое задумал президент Трумэн, что мы добавим нашу силу к их силе, что их спокойные, твердые усилия будут поддержаны нами»³.

Можно сказать, что от У. Черчилля трудно было ожидать чего-либо другого. В этом выступлении, кстати, он высказал те же идеи, которые потом нашли свое развернутое воплощение в Фултонской речи. «Британский и американский народы являются естественным единством и без какой-либо политики или плана. Потому что они говорят на одном языке, воспитывались на одном и том же общем праве, имеют схожие институты и одинаковую любовь к индивидуальной свободе»⁴. У. Чер-

¹ *Truman H.* Address on Foreign Policy at the Navy Day Celebration in New York City. October 27, 1945 [Электронный ресурс]. — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=12304>

² HCD. 1945. 7 November. Vol. 415. Col. 1291.

³ Ibid. Col. 1294.

⁴ Ibid.

чилль был лишь лидером консервативной оппозиции, который, однако, весьма точно передавал доминирующие в его партии настроения. Для сравнения приведем высказывания рядового депутата-консерватора Сирила Осборна: «Я не хочу сказать, что мы должны вычеркнуть «старого дядюшку Джо Сталина» ... Я прошу лидера палаты, который ... был организатором победы Социалистической партии на последних выборах, использовать свое влияние и «продать» Америку английскому народу так, как он ранее «продал» ему Россию. Я уверен, что мир невозможен, пока мы и американцы не будем вместе»¹. Однако то, что говорило большинство лейбористов мало чем отличалось от речей их оппонентов.

Например, депутат-лейборист Линн Юнгед Томас в своей первой речи в парламенте, т.н. maiden speech, охарактеризовал международную ситуацию следующим образом: «Решающая проблема в международных делах сегодня, как я это понимаю, отношения трех великих держав: Америки, России и нас; в особенности Америки и нас, с одной стороны, и России с другой»². Понятно, что этот депутат не относился к числу переднескамеечников, но он отражал настроения большей части рядовых лейбористов-парламентариев. Оговоримся, что в рассматриваемый период были еще депутаты, выступавшие за сближение с СССР и совместную борьбу с американским империализмом. Это два депутата коммуниста, избранные в парламент в первый и последний раз в 1945 г.: Уильям Галлахер, один из основателей КПВ, и Филипп Пирятин, а также представители левого крыла лейбористской партии, так называемые попутчики коммунистов, например, Конни Зиллиакс. Однако они находились в абсолютном меньшинстве.

В первую очередь интерес, конечно, представляют выступления ведущих членов лейбористского кабинета, прежде всего министра иностранных дел Эрнста Бевина, который в силу своей должности в публичных выступлениях был более сдержан, но его позиция в отношении США ничем не отличалась от подхода консерваторов. Вернемся к дискуссии 7 ноября 1945 г. Э. Бевин соглашался с оценкой У. Черчиллем декларации Г. Трумэна: «Если бы подобная декларация была сделана президентом Трумэном в 1914 г., войны, возможно, удалось бы избежать. Если бы ее повторили в 1939 г., войны также, возможно, удалось бы избежать. С точки зрения воодушевления нашего народа и народа США, эта декларация изумительна, но наша политика должна быть такой, чтобы быть способной дать результат в случае, если ей будет брошен вызов. Другими словами, наши отношения, наши знания, наше планирование, наше положение в экономике и обороне должны быть

---

¹ Ibid. Col. 1346.

² Ibid. Col. 1329.

такими, чтобы мы могли быть способными остановить агрессию, если она произойдет»¹.

Все эти высказывания делались на фоне достаточно жесткой позиции США в отношении Великобритании, которая имела основания быть обиженной на своего главного союзника. Это касается и хорошо известных сюжетов: нежелание делиться ядерными секретами, хотя британские исследователи сыграли важную роль в Манхэттенском проекте, остановка без предварительных консультаций американцами 21 августа 1945 программы ленд-лиза и последующие сложные переговоры о предоставлении кредита Великобритании. Можно привести и менее известные примеры. 8 ноября 1945 г. британский посол лорд Галифакс направил Э. Бевину телеграмму, к которой прилагался меморандум госсекретаря США Джеймса Бирнса. Дж. Бирнс напоминал в нем, что уже сообщал Э. Бевину об американской послевоенной программе создания военных баз. Это, кстати, делает совершенно необоснованными публичные опасения Э. Бевина о возможности нового впадения США в политику изоляционизма. Ни в какой изоляционизм США впадать не собирались. Дж. Бирнс в повелительном тоне сообщает о том, что хотело бы американское правительство от правительства британского: 1. Правительство США желало заверений, что британское правительство поддержит и поможет американцам в переговорах с Исландией и Португалией относительно создания военных баз в этих странах. Относительно Португалии США интересовали Азорские острова и Кабо-Верди; 2. Прилагался список мест, на территории которых США хотели бы создать свои базы и которые управлялись на тот момент либо Великобританией, либо Новой Зеландией и Австралией. Речь шла об островах в Тихом океане; 3. Дж. Бирнс напоминал британскому правительству, что долгие годы между правительствами США и Великобритании шла переписка относительно спорных территорий в Тихом океане. Дж. Бирнс полагал, что настало время для британского и новозеландского правительств подписать соглашение с США об отказе от притязаний на эти острова. Он надеялся, что подобное соглашение будет подписано как можно скорее без каких-либо дискуссий со стороны Великобритании и Новой Зеландии². Напомним, что попытки И.В. Сталина завести разговоры о советских базах в черноморских проливах или в бывших африканских колониях Италии вызвали крайнее возмущение Э. Бевина, который заявил о попытках Советов наступить ногой на горло британских интересов³, и постоянные разговоры о непрекращающейся советской экспансии.

¹ Ibid. Col. 1339.

² From Washington to Foreign Office. Earl of Halifax. Telegram. № 7470. 8th November 1945 // United Kingdom National Archives. FO 800/512. P. 1—4.

³ HCD. 1945. 7 November. Vol. 415. Col. 1342.

Заметим, что озвученное Г. Трумэнном желание получить территории для новых баз вызвало недовольство даже у лидера либералов Клементы Дэвиса, которые заявил, что 12 пунктов американского президента плохо согласуются со стремлением получить под контроль новые территории для создания военных баз¹.

Проблема американской финансовой помощи Великобритании в последние месяцы 1945 г. приобрела весьма резкий характер и породила продолжительную дискуссию в британском парламенте. Остроту вопросу придавала сложная экономическая ситуация в стране, а также сильная обида на действия США по отношению к своему верному союзнику. Объявляя 24 августа 1945 г. в Палате общин о прекращении США программы ленд-лиза, К. Эттли выразил глубокое сожаление, что это было сделано без предварительного обсуждения тех серьезных проблем, которые подобные действия американской стороны будут иметь для Великобритании: «внезапное прекращение поддержки, от которой наша военная организация столь зависима, ставит нас в очень сложное финансовое положение»².

В результате последовавших за этим сложных и продолжительных англо-американских переговоров в начале декабря 1945 г. новое финансовое соглашение было достигнуто. Премьер-министр заявил, что целью полученного американского кредита в размере 3 млрд. 750 млн. долларов является облегчение возможности закупки Великобританией в США товаров и услуг, помощи британской стороне в преодолении дефицита платежного баланса, а также сохранении ею достаточных золотовалютных резервов³. Соглашение вызвало продолжительную полемику в Палате общин. Показательно, что в ходе нее не ставился под вопрос сам характер англо-американских отношений. Критику со стороны многих депутатов вызвали условия предоставления кредита: возможная угроза системе британских имперских преференций, необходимость скорейшего введения конвертируемости фунта, а также сам факт того, что это был кредит и его надо было возвращать с процентами. Исходя из этих соображений, У. Черчилль призвал своих однопартийцев воздержаться при голосовании, но ни коим образом не голосовать против соглашения, поскольку это «особенно повредит нашим интересам в Америке»⁴. Заявляя, что он смог бы выторговать у американцев лучшие условия сделки, У. Черчилль просто стремился переложить ответственность за принятие непопулярного, но необходимого решения на лейбористское правительство.

---

¹ Ibid. Col. 1300—1301.

² Ibid. 24 August. Vol. 413. Col. 956.

³ Ibid. 6 December. Vol. 416. Col. 2663—2664.

⁴ Ibid. 13 December. Vol. 417. Col. 721—725.

Э. Бевин выступил с резкой критикой позиции У. Черчилля и защищал достигнутое соглашение, прежде всего, с точки зрения его экономической целесообразности: «Факт в том, что мы должны сделать заем и мы находимся не в том положении, когда диктуют условия»¹.

Подводя итоги, следует отметить, что для лейбористского правительства К. Эттли, как и для подавляющей части членов британского парламента изначально никакой альтернативы проамериканскому курсу не существовало. Собственно, основные идеи послевоенного курса были разработаны еще в конце Второй мировой войны в недрах Форин офис и не претерпели существенных изменений при лейбористах. Сущность «особых отношений» сводилась к передаче США ведущей роли в мировой политике и контроля за британскими сферами ответственности в обмен на участие Великобритании в непосредственном решении мировых проблем. Свою полезность для американцев британские политики и дипломаты связывали с огромным опытом мирового доминирования и решения международных проблем. Во многом эти надежды не оправдались, хотя уровень взаимодействия двух стран во всех сферах оказался беспрецедентным и останется в значительной степени таковым до настоящих дней.

---

¹ Ibid. Col. 728.

НАБИЕВА Р.А.К.

Сирийский вопрос в британском парламенте

НАБИЕВА РАМИНА АБУЛФАТ КЫЗЫ,

студентка 3 курса
факультета международных отношений,
Санкт-Петербургского государственного университета
(Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: nabieva.ramina@mail.ru

Аннотация: статья посвящена (двум) дебатам и голосованиям в Палате общин по сирийскому вопросу. С помощью сравнительного метода рассматриваются основные факторы и обстоятельства, предопределившие исход каждого из голосований. Также уделяется особое внимание влиянию данных дебатов и голосований на внутривнутриполитическую систему современной Великобритании, с одной стороны, и на определение роли Великобритании в мире, ее места в сложившейся системе международных отношений — с другой.

Ключевые слова: сирийский вопрос, Великобритания/Соединенное Королевство, Палата общин, политическая конвенция.

Сирийский вопрос в британском парламенте

Начавшаяся в 2011 г. война в Сирии продолжается по сей день. В сирийский конфликт вовлечено большое число противоборствующих сторон, преследующих самые разнообразные цели. Ввиду этого, конфликт предстает чрезвычайно сложным и трудноразрешимым, о чем свидетельствуют провалы многочисленных попыток дипломатического урегулирования.

Интерес Великобритании к событиям в Сирии объясняется рядом причин, в первую очередь, стремлением установить контроль над энергетической инфраструктурой региона Ближнего Востока с перспективой достижения европейской энергобезопасности (уменьшения зависимости от поставок российского природного газа), и, в меньшей степени, желанием закрепить свое военно-политическое влияние в регионе¹. Но зачастую эти прагматические соображения намеренно маскируют под моральные аргументы, в частности, под стремление защитить право сирийского народа на демократическое правительство.

Последнее неразрывно связано с вопросами относительно того, какое место занимает Великобритания в сложившейся системе междуна-

---

¹ Дилеммы Британии: поиск путей развития / Под ред. Ал.А. Громыко. М., 2014. С. 440—441.

родных отношений и какую роль должно играть Соединенное Королевство в новых условиях. В частности, вопрос в том, обладают ли британские элиты политической волей и, что немаловажно, необходимыми возможностями для поддержания на современном этапе традиционно присущих Великобритании ролей, среди которых «великая держава», «защитник прав человека», «защитник норм международного права» и «надежный союзник США». Все вышесказанное свидетельствует об актуальности темы исследования.

Предполагается рассмотреть дебаты и голосования: 1) в августе 2013 г. по вопросу о применении военной силы против режима Б. Асада после химической атаки (далее — первое голосование по Сирии); 2) в декабре 2015 г. по вопросу о начале ВВС Британии военной операции против «Исламского государства» на территории Сирии (далее — второе голосование по Сирии).

Прежде чем перейти к ним, представляется целесообразным обозначить правовой аспект подобного рода парламентских голосований и затронуть вопрос о военных полномочиях британского парламента. Итак, конституционно премьер-министр не нуждается в одобрении правительственных внешнеполитических решений парламентом, в том числе и тех, что связаны с применением военной силы. Королевская prerogative предоставляет премьер-министрам формальное право руководить вооруженными силами без оглядки на законодательную власть¹.

Однако, в последнее время на деле премьер-министры вынуждены добиваться одобрения парламентариями легитимности начала крупных военных операций за рубежом. К этому их *обязывает* сложившаяся сравнительно недавно *политическая конвенция*, основание которой заложило голосование парламентариев по Ираку, инициированное Э. Блэром в 2003 г.². До этого в современной политической истории³, подобное случалось только один раз — по случаю Корейской войны. После Ирака последовало голосование по Ливии, на котором тогдашний Министр иностранных дел (Foreign Secretary) У. Хейг пообещал, что в будущем парламент всегда будет иметь возможность голосовать по вопросу начала военных действий за рубежом. Не в последнюю очередь по этой причине Д. Кэмерон в 2013 г. созвал внеочередную сессию Палаты Общин.

Правительство интерпретировало военную атаку на режим Б. Асада в качестве гуманитарной интервенции, целью которой было «облегчить

---

¹ Strong J. Why Parliament Now Decides on War: Tracing the Growth of the Parliamentary Prerogative through Syria, Libya and Iraq // The British Journal of Politics and International Relations. 2015. Vol. 17. P. 608.

² Ibid.

³ В качестве временных рамок для понятия *современная политическая история* выбран XX век.

последствия гуманитарной катастрофы, возникшей в результате использования химического оружия»¹. На основании доклада Объединенного разведывательного комитета Соединенного Королевства британское правительство возложило вину за химическую атаку на Б. Асада, тем не менее, не сумев привести не только прямых доказательств причастности режима, но и аргументов в целесообразности такого шага вообще (при условии того, что в то время на территории Сирии находилась команда экспертов ООН)². Принимая все это во внимание и хорошо помня исторический прецедент, когда разведывательные данные *намеренно искажались* в угоду тех или иных политических целей, члены Палаты общин (у которых, таким образом, были основания не доверять Премьер-министру) отклонили резолюцию правительства; голоса распределились следующим образом: 285 «против» военных действий, 272 — «за»³.

Существует несколько факторов, предопределивших такой исход голосования. Помимо того, что ситуация сильно напоминала случай с Ираком в 2003 г.⁴, более того, парламентарии ставили под сомнение по сути легитимность инициирования военной операции отдельно взятым государством без резолюции СБ ООН⁵. Еще одна причина скрывалась в отсутствии консенсуса среди политических элит: Д. Кэмерон не смог заручиться поддержкой не только лейбористов во главе с Э. Миллибендом, но, что более важно в условиях парламентской монархии, поддержкой достаточного количества рядовых парламентариев

---

¹ Chemical weapon use by Syrian regime: UK government legal position // UK Government official site. 2013. 29 August [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://www.gov.uk/government/publications/chemical-weapon-use-by-syrian-regime-uk-government-legal-position/chemical-weapon-use-by-syrian-regime-uk-government-legal-position-html-version>

² Syria: reported chemical weapons use — Joint Intelligence Committee letter // UK Government official site. 2013. 29 August [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/235094/Jp_115_JD_PM_Syria_Reported_Chemical_Weapon_Use_with_annex.pdf

³ Parliamentary debates (Hansard). House of Commons official report. 29 August 2013. Vol. 566. №. 40. // UK Parliament official site [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://www.publications.parliament.uk/pa/cm201314/cmhansrd/chan40.pdf>

⁴ Strong J. Op. cit. P. 605

⁵ Parliamentary debates (Hansard). House of Commons official report. 29 August 2013. Vol. 566. № 40. // UK Parliament official site [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://www.publications.parliament.uk/pa/cm201314/cmhansrd/chan40.pdf>

(beckbenchers) из числа консерваторов и либерал-демократов. К этому добавлялись сомнения в целесообразности и потенциальной успешности военной операции с учетом весьма печального исторического опыта в Афганистане, Ираке, Ливии¹. И, наконец, идея о военной операции не нашла поддержку в массах: по результатам опроса YouGov лишь треть британцев поддержала бы британское участие в бомбардировках (при условии наличия полной уверенности, что западная военная компания не приведет к длительной сухопутной войне с Сирией), и 52 % опрошенных возразило бы этому².

Первое голосование по Сирии имело далеко идущие последствия для Великобритании и ее политических элит. Во-первых, почти сразу встал вопрос о том, какое место занимает Соединенное Королевство в мире, так как результаты явно отражали пересмотр элитами традиционных концепций о национальной роли Великобритании: парламентарии подвергли ревизии традиционно присущую стране роль «великой державы», которая предполагает участие в разрешении наиболее значимых международных проблем. Вдобавок, голосование коснулось и роли «надежного союзника», которая была неразрывно связана с особыми отношениями с США, а также роли «либерального интервенциониста», что подразумевало защиту норм международного права, демократических ценностей, в особенности прав человека³.

Голосование августа 2013 г. отражает некоторые положительные тенденции в развитии политической системы Соединенного Королевства, в первую очередь — демократизацию процесса принятия внешнеполитических решений, более тщательное рассмотрение целесообразности заграничных военных операций, в связи с этим препятствование политическому авантюризму лидеров. Но в то же время, первое голосование по Сирии имело и отрицательные последствия: оно обнажило высокую степень недоверия и скептицизма в отношении разведки и правительства в целом; а также некоторую степень непоследовательности британской внешней политики: в частности, возможность парламента опротестовать и свернуть выбранный правительством внешнеполитический курс в некоторой степени снижает уровень надежности и предсказуемости Великобритании как союзника⁴. И хотя в Вашингтоне сра-

¹ Ibid.

² YouGov Survey Results: 1st - 2nd September 2013 // YouGov official site [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: https://d25d2506sfb94s.cloudfront.net/cumulus_uploads/document/z2tokk5itc/YG-Archive-Times-results-020913-Syria.pdf

³ *Gaskarth J.* Strategizing Britain's Role in the World // *International Affairs*. 2014. May. Vol. 90. № 3. P. 565.

⁴ *Strong J.* Interpreting the Syria vote: parliament and British foreign policy // *International Affairs*. 2015. Vol. 91. Issue 5. P. 1127.

зу после голосования заявили, что решение Парламента не повлияет на особые отношения между США и Великобританией¹, фактически это влияние на лицо. В 2013 году вторжения не произошло, однако, британские политические элиты заплатились за принятое парламентом решение: они просто были исключены из дальнейших переговоров по уничтожению сирийского химического оружия. Уже через год (в августе 2014 г.) Президент Б. Обама не посчитал нужным дожидаться решения Лондона и инициировал авиаудары по террористам в Ираке.

Второе голосование по Сирии, а если быть более точным, то дебаты и голосование по вопросу расширения территории авиаударов по террористам «Исламского Государства»² состоялись в декабре 2015 г. Это голосование так же, как и предыдущие, соответствует логике установившейся политической конвенции. Более того, ее в лишней раз усилило обещание Д. Кэмерона, данное им во время голосования по Ираку в 2014 г.

За участие Великобритании в военной операции в Сирии проголосовали 397 депутатов, против — 223³. Такая уверенная победа объясняется несколькими причинами. Во-первых, это совершенно иные условия, отличные от тех, что были в 2013 г.: в 2015 г. никто не ставил под сомнение военные преступления, совершаемые джихадистами, а необходимость бороться с ними большинство рассматривало как первоочередную цель обеспечения национальной безопасности. Более того, к тому времени уже немалое число стран участвовало в авиаударах в Сирии, в то время как Великобритания ограничивалась только территорией Ирака. В этой связи Д. Кэмерон искусно оперировал чисто техническими аспектами: когда британские военные летчики достигают границы с Сирией, они уже не имеют санкции на выполнение боевых задач. Таким образом, расширение территории, по которой разрешено наносить удар, будет способствовать эффективности военных операций⁴. Во-вторых, Правительство активно апеллировало и к недавно принятой СБ ООН резолюции 2249, которая призывала «ликвидировать на-

---

¹ Remarks with United Kingdom Foreign Secretary Hague // US Department of State official site. 2013. 9 September [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2013/09/213956.htm>

² Данная формулировка — о *расширении* территории — связана с тем, что ранее авиаудары наносились по позициям террористов в Ираке.

³ Parliamentary debates (Hansard). House of Commons official report. 3 December 2015. Vol. 603. № 80. [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://hansard.parliament.uk/Commons/2015-12-02/debates/15120254000002/ISILInSyria>

⁴ Ibid.

дежное прибежище, которое ИГ, ФАН и др. террористические организации создали себе на значительных частях Ирака и Сирии»¹. В-третьих, в условиях пережитого шока от недавних терактов (в Париже и на борту российского лайнера) предложение правительства было поддержано массами: 57 % опрошенных британцев высказалось за расширение географии авиаударов².

Единственное, что ставилось под сомнение некоторыми парламентариями — это потенциальная успешность расширения территории авиаударов в условиях отсутствия в Сирии надежной поддержки с земли (возможность отправки в Сирию сухопутных войск даже не рассматривалась)³. Как кажется, большинство внутренне понимало верность этого аргумента, но не хотело повторения 2013 г., когда Британию оставили в стороне от переговорного процесса. К тому же, голосование последовало почти сразу после достижения в Вене договоренностей о политическом урегулировании сирийского конфликта. В связи с этим можно утверждать, что голосование по Сирии 2015 г. было, в первую очередь, политическим шагом, то есть было направлено на достижение определенных преимуществ в будущем процессе раздела пирога. В условиях низкой эффективности авиаударов в Ираке, расширение территории до Сирии носило исключительно символический характер и было нацелено на сохранение имиджа⁴.

***

Таким образом, в британской системе управления сложилась политическая конвенция, согласно которой отныне крупные зарубежные

---

¹ Резолюция 2249 (2015), принятая Советом Безопасности на его 7565-м заседании 20 ноября 2015 года // Официальный сайт ООН. [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/384/16/PDF/N1538416.pdf?OpenElement>

² *Will Dahlgreen*. ISIS: How 57% came to favour air strikes // You.Gov. 2014. 26 September [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://yougov.co.uk/news/2014/09/26/isis-how-majority-came-favour-air-strikes/>

³ Parliamentary debates (Hansard). House of Commons official report. 3 December 2015. Vol. 603. №. 80 [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://hansard.parliament.uk/Commons/2015-12-02/debates/15120254000002/ISILInSyria>

⁴ *Годованюк К.* Великобритания начала бомбардировки ИГ в Сирии // РСМД. 2015. 11 декабря [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7002#top-content

военные операции требуют согласия законодательной власти, в частности Палаты общин. Хотя конвенция устная и не носит формальный, общеобязательный характер, голосования по Сирии (а также ряд предшествовавших аналогичных голосований) свидетельствуют о ее закреплении в политической системе. Сирийский вопрос в контексте британского парламента свидетельствует не только о демократизации процесса принятия решений, он также отражает изменения в вопросе о роли Великобритании в мире, в реализации прежде неоспоримых ролей «великой державы», «защитника прав человека», «защитника норм международного права» и «надежного союзника США».

АНАНЬЕВА Е.В.

Соотношение прямой и представительной демократии в современной Великобритании

АНАНЬЕВА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА,
кандидат философских наук,
руководитель Центра британских исследований
Института Европы РАН, эксперт РАН
(Москва, Россия);
e-mail: e-ananieva@yandex.ru

Аннотация: В Британии традиционная представительная демократия с присущей ей системой сдержек и противовесов, издержки мажоритарной избирательной системы уже не могут предотвратить или сгладить острое столкновение групп интересов, что вынуждает правящую элиту прибегать к формам прямой демократии — референдумам и досрочным выборам. Подспудно назревавшее отчуждение традиционной социальной базы от «своей» политической партии вылилось на выборах в абсентеизм, в поддержку третьих партий, в прямое политическое участие — всплеск протестных действий и подъем популизма. Тенденции к авторитаризму и демократизации проявляются и на внутрипартийном уровне в обеих ведущих партиях страны.

Ключевые слова: Великобритания, Брекзит, референдум о независимости Шотландии, представительная демократия, прямая демократия.

Соотношение прямой и представительной демократии в современной Великобритании¹

Длительное время служившая образцом западной демократии вестминстерская система Британии претерпевает трансформацию. Двухпартийность де-факто становилась многопартийностью, а мажоритарная избирательная система, препятствуя «справедливому» представительству интересов различных социальных групп в парламенте, приводит к всплеску протестных настроений в форме прямой демократии.

В Британии за 6 лет правления Д. Кэмерона прошли 3 референдума (2 общенациональных и 1 региональный по системе простого большинства), выборы в Европарламент (по пропорциональной системе в 2014 г.), парламентские выборы (по мажоритарной системе в 2015 г.).

---

¹ Статья выполнена в рамках проекта: EUinDepth project «EUROPEAN IDENTITY, CULTURAL DIVERSITY AND POLITICAL CHANGE» FP7 project funded under Marie Curie Action «International Staff Exchange Scheme» номер гранта: PIRSES-GA-2013-612619

После парламентских выборов 2010 года либеральные демократы в качестве условия участия в коалиционном правительстве с консерваторами выдвинули требование провести референдум об избирательной системе. Замена мажоритарной системы на близкую к пропорциональной могла весьма негативно сказаться на положении Консервативной партии (как и любой крупной партии), но ради прихода к власти Д. Кэмерон согласился с условием либдемов. Через год либдемы референдум проиграли, поскольку британцы разочаровались в коалиции как форме правления, обвиняя обе стороны в соглашательстве.

Брексит: кто виноват?

Именно Д. Кэмерон дал обещание провести референдум в преддверии парламентских выборов 2015 года. Не сумев примирить евроскептиков и еврооптимистов в своей партии, пытаясь избежать раскола в стане тори и оттока избирателей к ПНСК (выступавшей за Брексит), премьер-министр Д. Кэмерон прибегнул к средству прямой демократии, вынеся вопрос об отношениях Британии с ЕС из парламентских коридоров и партийных кулуаров на референдум. Система сдержек и противовесов (*checks and balances*), которая складывалась веками для примирения позиций сторон, методы представительной демократии в образцовой, как ранее считали, англосаксонской демократии были отринуты.

Так было и с референдумом о независимости Шотландии. Д. Кэмерон отказался внести в бюллетень для голосования второй вопрос (о расширении полномочий региона — «деволюция-макс»), полагаясь на многолетние опросы, которые свидетельствовали о существенном доминировании противников независимости. Однако доля сторонников независимости незадолго до референдума превысила 50 %. В результате, чтобы не проиграть «войну», ему пришлось обещать «деволюцию-макс» накануне референдума. Шотландия проголосовала против независимости, но государственное устройство и политическая система Соединенного Королевства ныне подвергаются серьезным испытаниям.

На примере референдума о членстве Британии в ЕС очевидно, что обращение к формам прямой демократии при решении сложных вопросов не позволяет решить проблему на основании информированного мнения населения.

Волатильное общественное мнение

Британцы считали, что референдум по членству Британии в ЕС необходим («за» — более 60 %, 24 % — «против»)¹. Однако их представле-

---

¹ *Raines Th.* Research paper. Internationalism or Isolationism? The Chatham House—YouGov Survey. Europe programme. Jan. 2015 [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://www.chatham-house.org/publication/internationalism-or-isolationism-chatham-house-yougov-survey>

ния о действительных отношениях страны с ЕС были искажены. Так, еще за полтора года до референдума рядовые граждане полагали, что взнос страны в бюджет ЕС примерно в четыре раза выше, чем на самом деле. Они также были убеждены, что недавних иммигрантов в стране вдвое больше в общем населении страны, чем в реальности — 24,4 % вместо 13 %¹.

Более того, общественное мнение в Британии относительно ЕС было весьма волатильно, подвижно — за планку в 50 % выходили доли и сторонников, и противников членства страны в ЕС². Не испытывали британцы и чувства евроскептицизма более выражено, чем граждане других стран ЕС. Отношение к ЕС британцы меняли в зависимости от представлений о состоянии экономики в этом интеграционном объединении. Отметим, что лишь 25 % респондентов полагали, что при отрицательном исходе референдума Британия действительно выйдет из ЕС: 41 % респондентов считали, что при подобном результате последуют новые переговоры и второй референдум³.

В полемику пытались втянуть и монарха, главу государства: газета «Сан» вышла с заголовком «Королева поддерживает брекзит». Букингемский дворец, защищая политическую нейтральность монарха, принял беспрецедентную меру, направив жалобу в Независимую организацию по стандартам в прессе.

Самых британцев, как показывали опросы, больше всего беспокоила не «российская угроза», а иммиграция из стран ЕС. Характерно, что искаженные представления вовсе не приблизились к действительности даже в разгар агитационной кампании перед референдумом, когда на британцев обрушился поток информации с обеих сторон. Опрос агентства Ipsos MORI⁴ свидетельствовал о том, что подданные Ее Величества по-прежнему превратно судили о ключевых проблемах по которым

¹ Яковенко А.В. Европейская дилемма Британии // Россия в глобальной политике [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/diplomacy/Evropayskaya-dilemma-Velikobritanii-17400>

² EU referendum poll tracker and odds. [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://www.telegraph.co.uk/news/newstopping/eureferendum/11617702/poll.html>

³ Haughton T. Farewell Britannia? “Issue Capture” and the Politics of Cameron’s EU Referendum Pledge (with Nathaniel Copsey) // Journal of Common Market Studies. 2014. 52 (s1). P. 74—89.

⁴ Ipsos MORI | Poll | The Perils of Perception and the EU. Published:09/06/2016. Fieldwork:27/05/2016-30/05/2016 [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://www.ipsos-mori.com/researchpublications/researcharchive/3742/The-Perils-of-Perception-and-the-EU.aspx>

им предстояло принять историческое решение. Их мнение зависело от стереотипного представления о ЕС, а не от знания фактов, и от популярности правительства на момент референдума.

Обе стороны, Remain и Brexit, неизбежно упрощали аргументацию, причем, не стесняясь в методах. Парламентский комитет осудил обе стороны за некорректное ведение полемики и манипулирование цифрами.

Конституционные изменения обычно требуют квалифицированного большинства голосов. Однако в Британии историческое судьбоносное решение было принято пусть с бесспорным, но не столь значительным перевесом голосов (51,9:48,1) при беспрецедентной явке в 72 %. Некоторые обозреватели считают, что Британия явила не пример демократии, а сыграла в русскую рулетку.

После голосования за Брекзит появились юридические выкладки относительно возможности игнорировать или прямо объявить необязательными результаты референдума решением парламента (большинство депутатов против выхода страны из ЕС). Однако итоги носят обязательный характер, а не консультативный. Об этом однозначно заявлял премьер-министр перед референдумом, но, главное, с политической точки зрения игнорировать «волю народа» невозможно: представительная демократия не может отменить прямую.

Насколько будут соблюдены, как требует западная классическая политическая теория демократии, интересы меньшинства в 48 %, уже выразившего свое активное неприятие Брекзита на демонстрациях и в петиции за повторный референдум? Страна расколота: молодежь в большинстве голосовала за «Бремейн», старшее поколение — за Брекзит; в меньшинство входят Шотландия и Северная Ирландия, убедительным большинством высказавшись в пользу ЕС; мегаполисы — за «остаться», малые города и глубинка — за «выйти».

Шотландия намерена была провести повторный референдум о независимости, поскольку большинство жителей региона настроены в пользу членства в Евросоюзе. Между Лондоном и Эдинбургом начались разногласия, поскольку Т. Мэй считала новый референдум «несвоевременным». Недовольны и в Северной Ирландии перспективой установления границы с Республикой Ирландия. По всей видимости, нынешнее правительство уже не будет прибегать к прямой демократии в форме референдумов.

Референдум о членстве Британии в ЕС привел к серьезному партийно-политическому кризису: лидеры нескольких партий вышли в отставку. Сложил с себя полномочия лидера консерваторов и премьер-министра Д. Кэмерон. Однако выборы его преемника так и не состоялись, поскольку все соперники Т. Мэй так или иначе вышли из борьбы. Фактическая «коронация» лидера тори и, соответственно, премьер-ми-

нистра ставила этический вопрос о досрочных выборах, чтобы получить мандат избирателей, хотя законом парламентские выборы в таких случаях не предусмотрены.

Т. Мэй не собиралась проводить досрочные парламентские выборы (срок полномочий парламента истекал в 2020 г.), несмотря на призывы части однопартийцев воспользоваться кризисом в ЛПВ и самым большим преимуществом консерваторов над лейбористами за 6 лет. Мэй утверждала, что не считает политику игрой, да и «медовый месяц» с избирателями мог закончиться. Более того, в период предвыборной кампании разногласия в рядах тори по Брекситу вновь обострились бы. Следовательно, новый премьер-министр формально не имел ни мандата рядовых членов партии (оставшись единственным кандидатом на пост лидера партии), ни мандата избирателей (как и Г. Браун, который после отставки Т. Блэра в 2007 г. остался безальтернативным кандидатом на пост лидера партии, а став премьер-министром, так и не решился провести досрочные парламентские выборы).

Осознавая на опыте Д. Кэмерона невозможность и далее манипулировать общественным мнением, правительство Т. Мэй не станет прибегать к формам прямой демократии и пытается ограничить роль представительной демократии при принятии решений по выходу страны из ЕС. По этим вопросам идет борьба, и Мэй пришлось уступить решению Верховного суда, вынесенного по иску рядовой гражданки, направить на одобрение парламента билль о введении в действие процедуры Брексита. Билль прошел сложную процедуру согласования в парламенте (в Палате лордов у Консервативной партии нет большинства), прежде чем стать законом.

Примечательно, что не только в Консервативной партии сменился лидер. В основной оппозиционной партии — Лейбористской (ЛПВ) — происходят драматичные события — как вследствие Брексита, так и идейно-политического размежевания в стране. Они будут иметь долгосрочные последствия не только для самой партии, но и для государства.

В Лейбористской партии произошел беспрецедентный бунт против ее лидера Дж. Корбина за вялое (*lukewarm*) ведение кампании в пользу ЕС, за что члены его «теневого кабинета» массово вышли в отставку (23 из 31), а парламентская фракция лейбористов выразила ему недоверие, что и стало причиной назначения выборов лидера партии.

Если в партии тори лидер определился без выборов — голосования рядовых членов партии, то в Лейбористской партии «демократический процесс» превзошел разумные пределы. Еще в 2014 г. лидер лейбористов Эд Милибэнд добился новой процедуры избрания лидера партии. В надежде размыть удельный вес левых (членов профсоюзов) он предложил, чтобы в голосовании принимали непосредственное участие избиратели партии, внося в партийную казну по 3 ф. ст. («трехфунтовые

сторонники»), т.е. формально прибег к демократизации. Однако именно левых процедура и привлекла. После поражения партии на парламентских выборах 2015 г. Милибэнд сложил полномочия, а лидером был избран Дж. Корбин, придерживающийся «твердых левых» взглядов.

В 2016 г. НИК (National Executive Council) Лейбористской партии постановил, что принять участие в голосовании имеют право те, кто вступил в партию до 12 января 2016 года, а «сторонники» должны внести в партийную кассу уже 25 ф. ст. (еще одна мера верхушки партии с целью отсеять левых). Однако за два дня, в течение которых можно было зарегистрироваться в качестве «сторонника», таковых зарегистрировалось более 180 тыс человек (что превышает численность всей партии тори). Таким образом, бумеранг вернулся противникам Корбина. Сам Дж. Корбин уступать партийной фракции и уйти в отставку не собирался, ссылаясь на убедительный мандат от рядовых членов партии на выборах лидера еще в 2015 г.

Причины победы Дж. Корбина объясняются социальным составом его сторонников — это молодые люди с высшим образованием, люди политически активные, левых взглядов, бескомпромиссные. Они не поддерживают авиаудары по Сирии, негативно относятся к институту монархии. Среди них меньше людей с доходом выше среднего (26 %) и высоким социальным статусом (36 %). Большинство из них считает США «самой большой угрозой миру» (51 %). Идеалистов среди них много (67 % присоединились к словам Дж. Леннона «Вы можете считать меня мечтателем»)¹. Твердые левые составляют среди них большинство (74 %), в то время как в электорате Британии таковых лишь 14 % (левоцентристы — 19 %, центр — 17 %, правый центр — 19 %, правые — 8 %). Таким образом, сторонники Корбина — это коалиция «старых левых» и молодежи протеста, нон-конформистов, людей вдохновения, а не разума, рации. Отринув прагматизм, они требуют идейной альтернативы, пусть и не рассчитывая на перемены в стране.

Корбин выиграл, несмотря на более высокий уровень компетентности у других кандидатов и их способность привести партию к победе на следующих выборах. Корбин выиграл по моральным качествам — честный, принципиальный, мужественный². Важнейшее следствие — неверие самих лейбористов в то, что партия может завоевать власть в 2020 г.

---

¹ *Sayers F.* «You may say that I'm a dreamer»: inside the mindset of Jeremy Corbyn's supporters [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://yougov.co.uk/news/2015/08/27/you-may-say-im-dreamer-inside-mindset-jeremy-corby/>

² *Kellner P.* Why Jeremy Corbyn's supporters don't care about winning // Prospect magazine. 2015. August 12 [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://www.prospectmagazine.co.uk/blogs/peter-kellner/why-jeremy-corbyns-supporters-dont-care-about-winning>

Соответственно, на ближайшие годы рациональной, но невыполнимой, задаче завоевать власть Лейбористская партия предпочла эмоциональный протест (причем внепарламентский) и поиски нового политического лица. Ведь Корбин заполнил идейный вакуум, возникший после того, как «новый лейборизм» и «Третий путь» исчерпали себя.

Противники Корбина вначале предпочли дождаться его смещения с поста. Сразу начались дебаты о том, сможет ли Дж. Корбин — этот «Дональд Трамп лейбористов» — удержаться в качестве лидера в ближайшие 2 года или «3-фунтовые» сторонники Корбина сами «разойдутся по домам», что предоставит правым (умеренным, «вменяемым» лейбористам) возможность востребовать партию себе. Правых больше волнует способность партии одержать победу на парламентских выборах. Сторонники Корбина, не рассчитывая на победу партии на всеобщих парламентских выборах, намерены обратиться к внепарламентской деятельности — формам прямого политического участия граждан в общественной жизни (активизация внутрипартийной деятельности, митинги, демонстрации, петиции).

Ситуация в партии обостряется и в связи с намерением Корбина ввести изменения в механизм представительной демократии — обязательный отбор (mandatory reselection) кандидатов партии от избирательных округов¹. Поясним: до сих пор местные отделения партии, единожды одобрив кандидатуру для участия в парламентских выборах, уже не имели права выставить иную до тех пор, пока депутат не проиграет выборы. Процедура обязательного отбора неизбежна в связи с тем, что в 2018 г. количество избирательных округов будет сокращено с 650 до 600, а их границы будут пересмотрены с целью установить округа, более равные по численности избирателей. Речь между тем идет о том, чтобы отбор сделать обязательным к каждым выборам. Сторонники Корбина полагают, что депутаты со временем отрываются от своих избирателей, не отражая их интересов, что процедура отзыва депутата недействительна, и в целом верхушка партии движется вправо, а избирательный корпус лейбористов — влево. Отбор и призван укрепить связь депутатов с избирателями, по мысли левых, и вызовет междоусобицу — по мнению правых. Процедура была введена в 1980-х гг. под влиянием представителя левого крыла Т. Бенна, но ее отменил Н. Киннок, поведя партию к центру политического спектра. Действительно, партийные активисты на местах, как правило, левее депутатов.

---

¹ Mandatory Reselection Of MPs Should Be The Norm For British Political Parties, Not A Scandalous And Controversial Idea [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://www.dailyglobe.co.uk/comment/mandatory-reselection-mps-norm-british-political-parties-not-scandalous-controversial-idea/>

Эд Милибэнд в 2011 г. добился отмены правила, согласно которому партийная фракция избирала членов теневого кабинета (а лидер распределял портфели среди них), в пользу единоличного назначения членов теневого кабинета лидером партии. Обе меры Милибэнда — процедуры выборов лидера и определения состава теневого кабинета — свидетельствуют о том, что авторитаризм и демократизация в партийной жизни были подчинены непосредственным интересам партийной верхушки. В противостоянии с Корбином парламентская фракция проголосовала за восстановление избрания теневого кабинета, но вопрос пока не решен. Корбин, по понятным причинам, выступает за выборы теневого кабинета всеми членами партии.

Таким образом, формы представительной и прямой демократии, тенденции к авторитаризму и демократизации проявляются и на внутрипартийном уровне в обеих ведущих партиях.

Помимо процедурных баталий отметим и такой факт, как активизация форм прямого политического участия. До недавнего времени численность основных трех партий в Британии снижалась, а малых — повышалась (ПНСК, ШНП — особенно после проигрыша партии на референдуме о независимости Шотландии в 2014 г.). В ЛПВ устремился поток сторонников как после выборов 2015 г., так и после Брексита. Снижение численности рядов основных партий относили за счет того, что «модернизаторы», пришедшие к руководству своих партий предпочитали распространять политическую информацию через СМИ, особенно телевидение, и Интернет через голову партийных активистов, не склонных сдвигаться к политическому центру. Работа спин-докторов (политтехнологов) была нацелена на один и тот же сегмент электората — колеблющихся (а, стало быть, в центре политического спектра) избирателей в маргинальных округах. Вместе с тем спин-доктора рассчитывали на то, что традиционная социальная база останется лояльной. Отсюда, при эклектичности и схожести партийных программ несоразмерно возросла персонификация политики.

Подспудно назревавшее отчуждение традиционной социальной базы от «своей» политической партии вылилось в абсентеизм и в поддержку третьих партий. От Консервативной партии избиратели отворачивались в сторону ПНСК, а внутри партии усиливались евроскептики. Избиратели Лейбористской партии также отдавали голоса ПНСК (пусть в меньших масштабах), а в Шотландии переходили к ШНП. Электоральный успех ШНП и ПНСК (в смысле полученных голосов), победа евроскептиков в Консервативной партии и «корбинитов» в ЛПВ свидетельствуют о том, что под руководством «модернизаторов», нацеливших свои партии на завоевание власти в ущерб принципам, обе партии достигли опасной черты — утраты отличительного политического лица. Низовое звено «возвратило им лицо», а государственная власть осталась у

консерваторов. Вероятно, страну ждет «реполяризация».

Этот вывод подтвердили досрочные выборы 8 июня 2017 г., которые Т. Мэй все же объявила в надежде укрепить тылы правящей партии в парламенте. Однако вновь форма прямой демократии — всеобщие выборы — опрокинула прогнозы. Избиратели буквально за 3 недели повернулись от консерваторов и лично Т. Мэй, от ПНСК и ШНП к Лейбористской партии и к Дж. Корбину (даже считая предвыборные обещания лейбористов невыполнимыми). Консерваторы получили 42,4 %, Лейбористская — 40 % голосов. Роль «третьей партии» перешла к Демократической юнионистской партии (Северная Ирландия), с которой Т. Мэй пришлось заключить соглашение о поддержке в парламенте, чтобы сформировать правительство меньшинства в силу утраты консерваторами большинства в Палате общин.

Несмотря на успех лейбористов на выборах, борьба правого и левого крыла в партии продолжится. Шаткое положение консерваторов в парламенте, разногласия в кабинете министров и неизбежность «бунтов заднескамеечников-тори», падение популярности Т. Мэй, раскол в обществе предвещают вероятность нового политического кризиса.

«Демократический дефицит»

На референдуме 2016 г. британцы, голосуя сердцем, а не разумом, отразили настроения против истеблишмента, против элит, получающих выгоду от глобализации и не желающих прислушаться к мнению людей, против растущего неравенства в доходах. Британцы выразили общие настроения, характерные для Европы и США. Популизм поднимается не сам по себе — это симптом назревшего нарыва, ответственность за который несут элиты. Именно «демократический дефицит» вызвал анти-элитизм, который отразил собой в механизме представительной демократии.

ЕРЕМИНА Н.В.

Шотландский парламент как протест против Вестминстерской системы

ЕРЕМИНА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЕВНА,

доктор политических наук,

кандидат исторических наук,

доцент факультета международных отношений

Санкт-Петербургского государственного университета

(Санкт-Петербург, Россия);

e-mail: nerem78@mail.ru

Аннотация: Шотландский парламент с самого начала своей деятельности стремится заявить о себе, как о законодательном институте, отличающемся от Вестминстера. По этой причине в его работе большое внимание уделяется таким аспектам, как широкое освещение на постоянной основе всех заседаний парламента; выездные заседания; ускоренное рассмотрение биллей и т.д. Региональный парламент стал важнейшим институтом партийно-политической и общественной жизни в Шотландии. Он наиболее ярко показывает, что Шотландская национальная партия является самой успешной партией региона, заодно демонстрируя ее эффективную деятельность. Шотландский опыт необходим для изучения, с точки зрения формирования новых институтов власти, и центр-регионального взаимодействия.

Ключевые слова: Шотландский парламент, билли, акты, деволуция, сепаратизм, Шотландская национальная партия.

**Шотландский парламент как протест
против Вестминстерской системы**

Проблема становления регионального парламента в Шотландии — одна из центральных в развитии британской государственности. Стремление ее решить уже привело к целому ряду изменений, как в законодательной системе страны, так и в ее политическом климате. Стоит при этом помнить, что Шотландия, обладая собственной правовой системой, долгое время не имела законодательного органа власти. Шотландский парламент заявил о разработке и внедрении новых подходов, которые сделали его отличным от Вестминстерской системы, продемонстрировали его прогрессивность и способность к полноценной и разнообразной законодательной деятельности. И в этом отношении ему действительно удалось многого добиться. Поэтому важно обратить внимание на принципы деятельности регионального парламента, позиции и взаимодействие различных политических сил региона, а также клю-

чевые вопросы взаимоотношений и разграничения полномочий между шотландским парламентом и другими уровнями власти государства.

Формирование нового законодательного органа власти основывается на ряде официальных документов, заложивших основные принципы деятельности регионального парламента.

Белая Книга, изданная в июле 1997 г. и названная «Парламент Шотландии», стала кульминацией развития деволюционной политики. Согласно ее положениям, Шотландский парламент должен самостоятельно определять процедурные аспекты своей деятельности, т. е. непосредственные механизмы своей работы, но только по тем вопросам, которые находятся в сфере компетенции парламента (9.1). Шотландский парламент ответственен за разработку законопроектов и принятие решений с соблюдением парламентского регламента и процедур. Они отражают главные принципы в деятельности парламента — открытость, подотчетность, ответственность. (9.8). При этом Белая Книга говорит о желании центрального правительства дать парламента Шотландии возможность принимать независимые решения, но ожидает, что они будут обсуждаемы, а шотландские парламентарии смогут принимать советы от экспертов, представленных центром (9.9). Особая роль закреплена за комитетами, а шотландский парламента имеет право устанавливать такие комитеты, какие посчитает необходимыми. Это важно, так как позволяет активно обсуждать в парламенте также предложения органов исполнительной власти. Кроме того, комитеты могут встречаться в различных частях Шотландии, чтобы быть ближе к населению (9.10). Также, Шотландский парламента обладает правом аннулировать законодательные решения общегосударственного парламента в случае, если они затрагивают интересы Шотландии или вторгаются в сферу ее компетенции¹.

Эти положения получили одобрение общегосударственного парламента и были закреплены в Шотландском Акте, который представляет конкретные механизмы законотворческой деятельности регионального парламента. Характер конституционных положений, начиная с Акта 1998 г., подчеркивает неизменность конституции Британии и неотделимость этнических регионов от Соединенного Королевства, хотя существует возможность передачи им дальнейших полномочий. В любом случае, члены региональных органов власти должны занимать конструктивную позицию для обеспечения стабильности не только в регионе, но и в палате общин в Вестминстере².

---

¹ White Paper. Scotland's Parliament. L., 1997.

² The new constitutional arrangements. Chapter 4. The Scottish Office. 4.2-4.5 [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://www.scotland.gov.uk/government/devolution/scpa-07.asp>

Сразу же подчеркнем, что вопросы деволюции не становились предметом для обсуждений в рамках шотландского парламента. Представители новых законодательных органов власти могли в лучшем случае только рассматривать вопрос, каким образом в рамках совершившейся деволюции сделать работу той или иной общественной службы более эффективной.

Все, что не было включено в список компетенций Центра, автоматически передается парламенту Шотландии. Вестминстер сохранил за собой право формировать общую финансовую политику, внешнюю политику, вопросы обороны и социальной безопасности. Шотландский парламент принимает законы в рамках следующих областей: экономическое развитие и региональный бизнес, инфраструктура и жилищная политика, сельское хозяйство, рыболовство и лесное хозяйство, окружающая среда, здравоохранение и образование, социальная политика, законодательство, спорт и искусство. Однако даже в данных сферах есть зоны ответственности Вестминстера¹.

Тем не менее, Вестминстер, исходя из объема данных шотландскому парламенту полномочий, признает его неоспоримое право на активное и полномасштабное законотворчество. В центре этой деятельности стоит шотландский парламент, однако в тесной кооперации с шотландским правительством. Шотландский парламент формирует правительство, члены которого несут ответственность перед парламентом, а комитеты парламента оценивают работу правительства².

Рассмотрим характер деятельности новых региональных политических институтов Шотландии.

Детальные постановления о деятельности и механизмах работы парламента находятся в Шотландском Акте, подготовленном к лету 1998 г. и дарующем политические права парламенту Шотландии. Вся структура парламента, зафиксированная в Акте, подтверждает, что новый парламент не является копией Вестминстера.

Новая система управления строится на принципах подотчетности, доступности, открытости и ответственности. Новая модель законодательной власти имеет значительные отличия от Вестминстера.

Во-первых, парламент состоит из одной палаты.

Во-вторых, новизна заключена и в избирательной системе. Акт 1998 г. ввел новую (смешанную) избирательную систему в стране, однако большая часть членов парламента избирается на основаниях усто-

---

¹ *McFadden J., Lazarowicz M.* The Scottish Parliament: An Introduction. Edinburgh: Lexis Nexis. 3-rd ed., 2003. Ch. 2.

² The new constitutional arrangements. Chapter 4. The Scottish Office. 4.7. [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://www.scotland.gov.uk/government/devolution/scpa-07.asp>

явшегося мажоритарного принципа (из 129 членов парламента 73 избираются по округам, а 56 — по пропорциональной системе)¹. Дополнительные кандидаты призваны демократизировать избирательную систему².

В-третьих, отличия касаются не столько процедурных аспектов, сколько самого характера шотландского парламента, его структуры и связи с населением региона, что предполагает довольно радикальное изменение взглядов шотландцев на парламента³. Ключевым пунктом функционирования парламента необходимо назвать принцип участия в его работе населения, затрагивающего, в свою очередь, проблему введения некоторых инноваций технического плана в деятельности нового парламента. Таких как, например, электронное голосование, электронная подача общественных петиций, которые сопровождаются разъяснениями и комментариями и становятся доступными для широкой общественности, которая непосредственно вовлечена в его деятельность⁴.

В-четвертых, есть очевидная разница и в балансе партий, поскольку новая избирательная система не допускает создания абсолютного большинства и заставляет политические силы искать консенсус. В самой Шотландии это даже привело к тому, что не так часто используется понятие «жесткая оппозиция», свойственное Вестминстеру. Но, если уж в регионе побеждает партия, которой удается при смешанной системе получить большинство голосов и сформировать правительство большинства, это означает, что именно эту партию практически всецело поддерживает население Шотландии.

В-пятых, Шотландский Акт устанавливает функции и порядок деятельности представителей парламента и различных организаций и комитетов в его рамках, которые вполне согласовываются с теми представлениями о принципах и структуре шотландского парламента, которые поднимались различными политическими силами. Важно, что основную роль в работе парламента играют парламентские комитеты⁵, которые действуют согласно принципу коллегиальности.

В-шестых, практическая законодательная деятельность Холируда представляет заметные черты отличия от Вестминстера.

Так, обсуждение биллей происходит в более короткие сроки и имеет не пять этапов рассмотрения, а три. После одобрения законопроекта

---

¹ Ibid. Para 1 (2, 3).

² Ibid. Para 5 (1—9).

³ Principles underpinning the Parliament. The Scottish Parliament: The Information Center. Research paper 99/15. 1999. 7 December.

⁴ Principles underpinning the Parliament. The Scottish Parliament: The Information Center. Research paper 99/15. 1999. 7 December.

⁵ Taylor B. Open Scotland? // Scottish Affairs. Winter 2002. № 38. P. 146.

в шотландском парламенте он предоставляется председателем парламента для одобрения королевской комиссии. Если до окончания сессии (которая, в отличие от Вестминстера, здесь длится все четыре года, а не год) билль не проходит голосование, то он считается провалившимся. В целом эта процедура направлена на ускорение и облегчение законодательной работы парламента в Шотландии.

Однако и в данном процессе есть несколько «но». Например, каждый билль должен сопровождаться разъяснением, что он не предлагает законодательных решений за пределами компетенций регионального парламента. Если его выдвигает исполнительная власть Шотландии, то необходимо письменное свидетельство о соответствии билля конституционным положениям. В случае возникновения сомнений билль направляется в судебную комиссию для принятия окончательного решения. Предварительную проверку законности билля также осуществляет государственный министр по делам Шотландии¹. В любом случае, исходя из существа многочисленных проверок на предмет конституционности шотландских биллей, можно говорить о том, что законодательство Шотландии рассматривается центром в основном как субординационное законодательство, так как оно в любое время может быть остановлено или отменено Вестминстером.

Полную информацию о законодательной деятельности политических институтов Шотландии можно получить из официального доклада, который представляет подробный список тем, обсужденных в парламенте, а также относящихся к ним вопросов и предложений, выпускаемый по окончании сессии².

Отметим, что парламент и правительство вели и ведут активную законотворческую деятельность. Однако, как ни странно, более всего биллей на рассмотрение в парламент вносит правительство³. Все рассматриваемые билли делятся на четыре группы: билли, вносимые исполнительной властью, билли, вносимые комитетами, билли, вносимые членами парламента и частные билли, которые вносят на рассмотрение граждане и для обсуждения которых собирают особую комиссию.

Все принимаемые в регионе акты можно разделить на пять больших групп: акты судебно-процессуального и правового характера, акты в сфере медицины и образования, акты в отношении окружающей среды,

---

¹ Scotland Act 1998. L., 1998. Sec. 58 (1).

² Official report. Meeting of the parliament. 16 June 2011 [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://www.scottish.parliament.uk/business/officialReports/index.htm>

³ Bill Summaries [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://www.scottish.parliament.uk/business/bills/billSummaries.htm>

акты по защите и развитию культуры и исторического ландшафта, акты по финансовым вопросам, под которыми, как правило, понимается бюджет.

Анализ принятых актов показывает, что наиболее значимой и широкой группой актов является первая группа, за которой следует группа актов, принятых в отношении медицины и образовательных учреждений. При этом их число росло год от года¹.

Если давать оценку эффективности законодательной деятельности региона, то стоит ее оценивать, исходя из критериев не столько количества, сколько качества. Сразу же отметим, что обсуждение и принятие наибольшего числа биллей в отношении правовых и процедурных аспектов частной и общественной жизни в регионе отражает не только понимание парламентариями ключевых вопросов современной жизни в регионе, но и довольно высокий профессиональный уровень членов парламента.

То, что региональный парламент — это эффективно работающий институт, стало ясно во время кризиса 2008 г.² Парламент прочно вошел в политическую жизнь региона, с точки зрения шотландцев. Его поддерживают постоянно более 80 % населения. Кроме того, в Шотландии благодаря парламенту сложился региональный политический стиль и окончательно оформились политические предпочтения населения.

Шотландская национальная партия (ШНП) в третий раз 6 мая 2016 г. подряд одержала победу на выборах в парламент региона, получив 63 мандата из 129. В 2011 г. в Шотландии также победили националисты с 69 мандатами, став первой за 12-летнюю историю регионального законодательного органа партией, завоевавшей в нем абсолютное большинство. До этого на выборах в 2007 г. победили националисты, хотя на выборах в 2003 г. и в 1999 г. они уступали лейбористам, образуя вторую партию, но партию, стремящуюся к первенству.

Тем не менее, есть обстоятельства, которые тормозят процесс становления нового парламентского стиля управления. Во-первых, это безусловное главенство Вестминстера. Необходимо добиваться взаимного уважения к установленной компетенции в деятельности обоих парламентов. Второе обстоятельство — финансовая власть. Шотландский парламент финансируется Вестминстером, и фискальная и монетарная

---

¹ Acts of Scottish Parliament // <http://www.legislation.gov.uk/asp>

² См.: *Еремина Н.В.* Региональная экономика Соединенного Королевства на примере Уэльса, Шотландии и Северной Ирландии: от конституционной реформы до кризиса // Проблемы современной экономики. 2010. № 2. С. 280—284.

политика остается за последним. Финансовые отношения между парламентами, таким образом, оказываются в полной зависимости от непосредственной деятельности парламента Шотландии и деволюционного процесса. Кроме того, члены исполнительной власти (министры) являются полноправными членами парламента Шотландии, так же как члены правительства Соединенного Королевства являются членами той или иной палаты парламента, что также может поставить под сомнение автономию парламента в его отношениях с исполнительными органами власти и внешним миром. Другим обстоятельством является угроза формирования в парламенте мощной группы по интересам, объединяющей две или более партий, поскольку подобное желание создать рабочее большинство может способствовать появлению «духа Вестминстера». Кроме того, членами нового парламента часто становятся люди, работавшие в Вестминстере, и переносящие его методы работы в новый парламента¹. Тем не менее, несмотря на то, что некоторые из этих моментов до сих пор тревожат шотландских парламентариев, им удается эффективно их преодолеть.

Таким образом, основные принципы работы парламента создают ярко выраженную шотландскую политическую культуру, совершенно отличную от вестминстерского традиционализма и формальности, которая стремится избежать системы принятия законопроектов в кулуарах парламента, сложившейся в Вестминстере. Напротив, шотландский парламента в своей деятельности принял принцип открытости по отношению к СМИ, а значит и к населению Шотландии, очевидно, осознавая, что на начальном этапе он остро нуждается в информационной поддержке с их стороны, что должно способствовать созданию благоприятной атмосферы в отношениях с шотландским обществом.

Учитывая, что региональные органы власти отражают именно позиции, настроения и стремления жителей регионов, а также вырабатывают свою политику в соответствии с собственными программными заявлениями, их деятельность становится важной в свете прогнозирования политического будущего региона в целом.

Шотландский парламента, поэтому, можно приводить в пример того, насколько вообще парламента может быть прозрачным, быстро реагирующим, способным принимать эффективные решения и опираться на доверие населения.

В современном государстве процесс принятия решений является многоуровневым. Это отражено в политическом и административном характере государства. Обязательное условие поддержания политического единства состоит в том, что центр должен быть признан как лидер

---

¹ Principles underpinning the Parliament. The Scottish Parliament: The Information Center. Research paper 99/15. 1999. 7 December.

не одной группой, но всеми культурными группами, проживающими в государстве. Именно механизм сотрудничества центрального правительства с обществом, высокий уровень его доверия обществу и контакт с ним снижают управленческие риски. По этой причине позитивное управление нуждается в идейной интеграции, помимо территориальной. Это не противоречит многоуровневому принятию решений, которое может учитывать культурные характеристики и особенности различных территориальных и культурных групп. Напротив, оно закрепляет взаимодействие разных центров принятия решений.

Например, А. Соловьев полагает, что существование многих центров власти обеспечивает многоярусность процесса принятия решений, а наличие постоянной оппозиции становится существенным элементом данной системы¹.

В этом контексте формирование региональных органов власти — большой шаг вперед, хотя, конечно, он не гарантирует вечную устойчивость государству. Тем не менее, результаты референдума 2014 г. продемонстрировали, что, несмотря на поддержку ШНП, население региона все же опасается резких перемен. Очевидно, что и эта ситуация изменится буквально в ближайшее время в условиях Брекзита. Однако следует учитывать, что именно соглашение и взаимное признание всех уровней власти (метод консультаций и баланс интересов) обеспечивает возможность компромиссного эволюционного развития государства. И именно такое устройство позволяет урегулировать этнополитические проблемы в стране. И это самый главный вызов для современного национального государства.

---

¹ См.: Соловьев А. Колебательно-маятниковый механизм принятий решений // Полис. 2005. № 6. С. 6—22.

Сведения об авторах

Ананьева Елена Владимировна — кандидат философских наук, руководитель Центра британских исследований Института Европы РАН, Москва, Россия;

Антюшин Николай Андреевич — аспирант факультета политологии СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия;

Амбарцумов Иван Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах Института истории СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия;

Аржакова Лариса Михайловна — доктор исторических наук, доцент СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия;

Аронов Дмитрий Владимирович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории правовых учений Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева, Орел, Россия;

Бархатова Тамара Альбертовна — кандидат исторических наук, главный специалист-эксперт Архивного отдела Тверской области, Тверь, Россия;

Березкина Оксана Степановна — кандидат политических наук, доцент МГУ, Москва, Россия;

Богомолов Андрей Борисович — ведущий специалист Отдела научно-справочного аппарата Российского государственного исторического архива, магистрант Института истории СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия;

Бодрова Эльвира Эдуардовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета, Екатеринбург, Россия;

Бочкарев Сергей Вадимович — кандидат юридических наук, доцент РГПУ, Санкт-Петербург, Россия;

Бугашев Сергей Иванович — доктор исторических наук, профессор СПбГУПТД, Санкт-Петербург, Россия;

Володичева Алена Алексеевна — специалист, главный специалист управления по делам архивов Ярославской области, Ярославль, Россия;

Гавроева Екатерина Сергеевна — аспирант РГПУ, Санкт-Петербург, Россия;

Гайда Федор Александрович — кандидат исторических наук, доцент исторического факультета МГУ, Москва, Россия;

Гелла Тамара Николаевна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории и регионоведения Орловского государственного университета имени И.С.Тургенева, Орел, Россия;

Демин Вадим Александрович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН (Москва, Россия);

Евдокимов Артем Владимирович — ассистент НГУ, Нижний Новгород, Россия;

Егоров Андрей Николаевич — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и философии ЧГУ, Череповец, Россия;

Ермина Наталья Валерьевна — доктор политических наук, кандидат исторических наук, доцент СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия;

Жолудов Михаил Валентинович — кандидат исторических наук, доцент Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, Рязань, Россия;

Землянский Вадим Леонидович — выпускник аспирантуры Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета, Комсомольск-на-Амуре, Россия;

Златина Мария Александровна — кандидат исторических наук, доцент РГПУ, Санкт-Петербург, Россия;

Зорин Владимир Юрьевич — доктор политических наук, профессор, депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации второго созыва, Москва, Россия;

Иванков Эдуард Валентинович — аспирант Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, Калининград, Россия;

Иванов Андрей Александрович — доктор исторических наук, доцент Института истории СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия;

Иванов Виталий Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент Института истории и права Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского, Калуга, Россия;

Калашников Владимир Валерьянович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории культуры, государства и права СПбГЭТУ, Санкт-Петербург, Россия;

Каленова Тенгеш Серикбаевна — кандидат исторических наук, доцент Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан;

Кара-Мурза Владимир Владимирович — магистр истории, старший эксперт Института современной России, Вашингтон, США;

Каркозашвили Нелли Шалвовна — кандидат исторических наук, доцент Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова, Ярославль, Россия;

Карпенко Константин Викторович — кандидат юридических наук, доцент МГИМО МИД России, Москва, Россия;

Кашаверская Юлия Ивановна — член Ассоциации искусствоведов, свободный исследователь, Санкт-Петербург, Россия;

Кирьянов Игорь Константинович — доктор исторических наук, доцент, декан историко-политологического факультета, заведующий кафедрой новейшей истории России Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия;

Костокрызов Павел Игоревич — кандидат исторических наук, старший преподаватель Уральского государственного юридического университета, Екатеринбург, Россия;

Костылев Александр Владимирович — кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного аграрного университета, Санкт-Петербург, Россия;

Котов Александр Эдуардович — кандидат исторических наук, доцент Института истории СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия;

Кочкарова Эристинна Азрет-Алиевна — доктор юридических наук, доцент, заведующий отделом организации научной деятельности и инновационного развития Кыргызской государственной юридической академии при Правительстве Кыргызской Республики, Бишкек, Кыргызская Республика;

Крохина Лидия Александровна — руководитель Центра истории Парламентаризма Секретариата Совета МПА СНГ, член НМС при Центре истории парламентаризма, Санкт-Петербург, Россия;

Кузнецов Алексей Алексеевич — кандидат исторических наук, профессор Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени И. Канта, Калининград, Россия;

Куликов Сергей Викторович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник России СПб ИИ РАН, член НМС при Центре истории парламентаризма, Санкт-Петербург, Россия;

Кучанов Илья Семенович — кандидат исторических наук, главный библиотекарь Государственной публичной исторической библиотеки России, Москва, Россия;

Лабутина Татьяна Леонидовна — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИВИ РАН, Москва, Россия;

Лавринович Дмитрий Сергеевич — доктор исторических наук, первый проректор МГУ имени А.А. Кулешова, Могилев, Республика Беларусь;

Ландер Инга Георгиевна — кандидат искусствоведения, доцент СПбГУПТД, Санкт-Петербург, Россия;

Лукоянов Игорь Владимирович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник СПб ИИ РАН, член НМС при Центре истории парламентаризма, Санкт-Петербург, Россия;

Малхозова Фатима Викторовна — кандидат исторических наук, заведующая кафедрой истории российской государственности РАНХиГС, научный сотрудник ИРИ РАН, Москва, Россия;

Мичурин Алексей Николаевич — кандидат исторических наук, доцент Института истории СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия;

Мусатов Вячеслав Владимирович — кандидат физико-математических наук, начальник научного центра патентов и изобретений Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, Челябинск, Россия;

Набиева Рамина Абулфат Кызы — студентка 3 курса ФМО СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия;

Николаев Андрей Борисович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой русской истории РГПУ, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член НМС при Центре истории парламентаризма, Санкт-Петербург, Россия;

Николаева Тамара Ивановна — заслуженный работник культуры РФ, почетный реставратор Санкт-Петербурга, член Ассоциации искусствоведов РФ, Санкт-Петербург, Россия;

Никулина Анастасия Андреевна — аспирант факультета международных отношений Северо-Западного института управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия;

Ниткин Павел Сергеевич — аспирант Института истории СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия;

Новоселов Николай Валентинович — научный сотрудник НИИ Культурного и природного наследия, Санкт-Петербург, Россия;

Паламарчук Анастасия Андреевна — доктор исторических наук, старший преподаватель Института истории СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия;

Панина Алена Андреевна — студентка 3 курса Института истории и международных отношений Южного Федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия;

Патрикеева Ольга Алексеевна — доктор исторических наук, доцент, профессор Института истории СПбГУ, член НМС при Центре истории парламентаризма, Санкт-Петербург, Россия;

Петелин Борис Валентинович — доктор исторических наук, доцент, профессор Гуманитарного института ЧГУ, Череповец, Россия;

Портнягин Дмитрий Игоревич — кандидат исторических наук, доцент ФМО СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия;

Портнягина Наталья Александровна — кандидат исторических наук, доцент Института истории СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия;

Раскин Давид Иосифович — доктор исторических наук, профессор СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия;

Родзянко Алексей Олегович — президент Американской торговой палаты в России, Москва, Россия;

Росенко Мария Ивановна — доктор политических наук, профессор филиала МГУ в Севастополе, Севастополь, Россия;

Рябухин Иван Владимирович — кандидат исторических наук, доцент Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия;

Самохвалова Наталья Валерьевна — заведующая архивом Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия;

Седова Яна Анатольевна — кандидат технических наук, доцент Астраханского государственного технического университета, Астрахань, Россия;

Селезнев Федор Александрович — доктор исторических наук, профессор НГУ, Нижний Новгород, Россия;

Сергеев Алексей Иванович — кандидат экономических наук, Генеральный секретарь — руководитель Секретариата Совета МПА СНГ, Санкт-Петербург, Россия;

Сидоренко Надежда Семеновна — доктор исторических наук, профессор Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, Челябинск, Россия;

Соколов Александр Станиславович — доктор исторических наук, профессор Рязанского государственного радиотехнического университета, Рязань, Россия;

Соловьев Кирилл Андреевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИРИ РАН, Москва, Россия;

Степанов Григорий Викторович — независимый исследователь, администратор сайта российско-германского семинара «Vereinigung» Череповец, Россия;

Степанова Валерия Владимировна — аспирант Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева, Орел, Россия;

Суманев Иван Андреевич — выпускник аспирантуры СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия;

Тарасова Екатерина Александровна — кандидат исторических наук, доцент Института истории СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия;

Тейлор Джон А. — PhD, доцент СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия;

Тимохина Дарья Аркадьевна — аспирант Института истории СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия;

Трещенков Евгений Юрьевич — кандидат исторических наук, доцент СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия;

Узлова Ирина Витальевна — кандидат исторических наук, доцент СПбГЭТУ, Санкт-Петербург, Россия;

Усманова Диляра Миркасымовна — доктор исторических наук, про-

фессор Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета, Казань, Россия;

Холяев Сергей Владимирович — кандидат исторических наук, доцент Ярославского государственного технического университета, Ярославль, Россия;

Циунчук Рустем Аркадьевич — доктор исторических наук, профессор Казанского федерального университета, член НМС при Центре истории парламентаризма, Казань, Россия;

Чемакин Антон Александрович — кандидат исторических наук, Санкт-Петербург, Россия;

Шукин Денис Васильевич — кандидат исторических наук, доцент Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина, Елец, Россия;

Юрковский Роман Янович — доктор исторических наук, заведующий кафедрой Восточной Европы Варминско-Мазурского университета в Ольштыне, Ольштын, Польша;

Яльшев Ренат Амирулович — кандидат исторических наук, доцент СПбГЭТУ, Санкт-Петербург, Россия.

Список сокращений и аббревиатур

- АВП РИ** — Архив внешней политики Российской империи;
АНО — Автономная некоммерческая организация
АХ — Академия художеств;
бар. — барон;
в.к. — великий князь;
ВГЖУ — Вологодское губернское жандармское управление;
ВЗС — Всероссийский земский союз помощи больным и раненым
воинам;
ВКГД — Временный комитет Государственной думы;
ВК ВКГД — Военная комиссия Временного комитета Государствен-
ной думы;
ВНСДВ — Временное Народное собрание Дальнего Востока;
ВРУ — Верховная Рада Украины;
ГАВО — Государственный архив Вологодской области;
ГАКО — Государственный архив Калужской области;
ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации;
ГАСО — Государственный архив Саратовской области;
ГАТО — Государственный архив Тверской области;
ГАЯО — Государственный архив Ярославской области;
ГД ФС РФ — Государственная Дума Федерального Собрания Рос-
сийской Федерации;
ГОПАНО — Государственный общественно-политический архив
Нижегородской области;
ГПИБ — Государственная публичная историческая библиотека;
гр. — граф;
ДВР — Дальневосточная республика;
ДНР — Донецкая народная республика;
ЕАЭС — Евразийский экономический союз;
ЕврАзЭС — Евразийское экономическое сообщество;
ЕЭП — Единое экономическое пространство;
ЖК КР — Жогорку Кенеш (парламент) Кыргызской Республики;
ИВИ РАН — Институт всеобщей истории Российской академии наук;
ИИ — Институт истории;
ИР НБУ — Институт рукописи Национальной библиотеки Украи-
ны имени В.И. Вернадского;

ИРИ РАН — Институт российской истории Российской академии наук;

КГИОП — Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры;

КДП — конституционно-демократическая партия;

кн. — князь;

КПЖ — Комитет петроградских журналистов;

ЛНР — Луганская народная республика;

МВД — Министерство внутренних дел;

МВФ — Международный валютный фонд;

МГИМО — Московский государственный институт международных отношений;

МГУ — Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

МЕРКОСУР — общий рынок стран Южной Америки;

МИД — Министерство иностранных дел;

МНП — Министерство народного просвещения;

МПА СНГ — Межпарламентская Ассамблея Государств — участников Содружества Независимых Государств;

НАТО — Организация Североатлантического договора;

НГУ — Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского;

НИИ — Научно-исследовательский институт;

НКА — национально-культурная автономия;

НМС — Научно-методический совет;

ОБ — Осведомительное бюро;

ОБСЕ — Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе;

ОВД — Область Войска Донского;

ОГАЧО — Объединенный государственный архив Челябинской области;

ОГЗ — Основные государственные законы;

ОДКБ — Организация Договора о коллективной безопасности;

ОМДС — Оренбургское магометанское духовное собрание;

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки;

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки;

ОЧЭС — Организацию черноморского экономического сотрудничества;

ПА — Парламентская ассамблея;

ПАСЕ — Парламентская ассамблея Совета Европы;

ПГАНИ — Пермский государственный архив новейшей истории;

ПОНС — Приморское областное Народное собрание;

ПСЗ-2 — Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе;

ПСЗ-3 — Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье;

ПСС — Полное собрание сочинений;

ПТА — Петербургское (Петроградское) телеграфное агентство;

ПЦР — Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства;

РГАВМФ — Российский государственный архив военно-морского флота;

РГАДА — Российский государственный архив древних актов;

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства;

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив;

РГИА — Российский государственный исторический архив;

РГИА ДВ — Российский государственный исторический архив Дальнего Востока;

РГПУ — Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена;

РНО — Русская народная организация;

РНП — Русская народная партия;

РОКК — Российское общество Красного Креста;

РАНХиГС — Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;

СЗРИ — Свод законов Российской империи;

СНР — Союз народных республик;

СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет;

СПбГУПТД — Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна;

СПбГЭТУ — Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» имени В.И. Ульянова (Ленина);

СПб ИИ РАН — Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук;

СПС — Союз правых сил;

СУ — Собрание Узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Отдел I;

ТГЖУ — Тверское губернское жандармское управление;

ТС — Таможенный союз;

ФМО — факультет международных отношений;

ЦАНО — Центральный архив Нижегородской области;

ЦВПК — Центральный военно-промышленный комитет;

ЦГАКФФД СПб — Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга;

ЦГАЛИ СПб — Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга;

ЦГИАК Украины — Центральный государственный исторический архив Украины, г. Киев;

ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга;

ЦДООСО — Центр документации общественных организаций Свердловской области;

ЦАЭС — Центрально-Азиатское Экономическое Сообщество;

ЧГУ — Череповецкий государственный университет;

ШНП — Шотландская национальная партия;

НС — House of Commons;

НСД — House of Commons Debates. Official Report;

НРД — Hansard's Parliamentary Debates.

Таврические чтения 2016

**Актуальные проблемы парламентаризма:
история и современность**

Международная научная конференция

Часть третья

Дизайн обложки и иллюстраций *Метеличенко Г.В.*

Компьютерная верстка *Поповой Н.В.*

Подписано к печати 17.11.2017. Формат 70x100 1/16.
Печ. л. 6,3. Усл. печ. л. 8,2. Тираж 200 экз. Заказ 121

Отпечатано методом оперативной полиграфии
в ООО «Издательство «ЭлекСис», СПб, Новочеркасский пр., д. 1